

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы [Тихомирова], архиепископа Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819—1851 гг.) Годы: 1850—1851] // Богословский вестник 1898. Т. 1. № 3. С. 439—486 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 439 —

Посылаю вамъ одинъ рубль сер. на ваши расходы. Прошу 1850 г. васъ писать ко мнѣ.

Въ Перми имѣеть нынѣ пребываніе слѣдственная коммиссія, члены которой: ректоръ Казанск. академіи—архим. Григорій¹⁾, протоіерей Московскій—Левитскій и чиновникъ Св. Синода. Главнымъ образомъ пріѣхали они для разсмотрѣнія поступковъ архіепископа Аркадія, по доносу секретаря консисторіи“.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 6-го числа:

„Ваше привѣтствіе, благожеланіе и денежное пожертвованіе принимаю съ обычною благодарностію. Но что скажу вамъ на ваше извѣстіе относительно предпринимаемаго вами путешествія? Видѣться съ вами очень радъ: но въ тоже время не могу не поскорѣть о вашихъ обстоятельствахъ. Извѣщая о своемъ намѣреніи совершить душеполезный подвигъ, вы умолчали о побудительной къ тому причинѣ, — и это съ вашей стороны очень естественно: но мое искреннее къ вамъ усердіе не позволяетъ утаить предъ вами того, что стоустая молва донесла уже до моего уха.

Назадъ тому съ подѣлю, кто-то изъ бакалавровъ Каз. академіи писалъ сюда о случившейся съ вами неприятности по службѣ. Могъ-бы я этому слуху и не повѣрить: но, къ сожалѣнію, ваше собственное извѣстіе убѣждаетъ меня въ справедливости этой неприятной молвы. Не смѣю предлагать вамъ никакихъ совѣтовъ; но отъ души желалъ-бы, чтобы вы, если можно, не оставляли ученаго поприща.—Правда, преднамѣреваемое вами путешествіе — дѣло само по себѣ доброе и душеспасительное: но что у васъ въ виду далѣе, по совершеніи этого дальняго путешествія? Конечно, въ подобныхъ случаяхъ одно главное средство успокоить себя: мысль о волѣ Божіей; видно, такъ Богу угодно.

У насъ, напротивъ, съ новымъ годомъ новости самыя пріятныя и утѣшительныя. О. Леонидъ изъ бакалавровъ — ректоръ Виенской семинаріи и архимандритъ Златоустовскаго монастыря назначенъ на мѣсто о. Евгенія, переведеннаго въ Моск. семинарію. О. инспекторъ также архимандритъ, но только титулярный, т. е. безъ монастыря. О. Феодоръ представленъ къ степени соборнаго іеромонаха и должности

¹⁾ Миткевичъ, впоследствии архіепископъ, скончавшійся въ 1881 году.

1850 г. помощника библиотекаря, хотя, правду сказать, эта должность и не по его характеру“.

8 февраля получилъ и письмо отъ о. Граменицкаго. Онъ писалъ:

„Имѣю честь привѣтствовать васъ съ наступившимъ уже новымъ годомъ, желаю обновленія въ силахъ и умственныхъ и тѣлесныхъ.“

Пріятнѣйшее для меня письмо ваше отъ 13-го генваря вмѣстѣ съ книгою, посланною вами, получилъ 29-го генваря изъ Покрова, куда Саша ѣздила для покупки крупы. Никакше васъ благодарю за хлопоты и безпокойство, какія вы употребили при выписываніи для меня сей книги. Книга, кажется, можетъ доставить мнѣ услугу и помощь въ моемъ занятіи. Одну проповѣдку уже успѣлъ стачать къ нынѣшнему дню (2 февр.), взявши тему изъ сей книги.

Извините, что долго не писалъ къ вамъ. Причина сему слѣдующая: въ декабрѣ прошедшаго 1849 года и именно съ 8-го декабря по 16 е гостилъ въ столицѣ бѣлокаменной у своихъ родныхъ, которые нѣсколько разъ меня уже приглашали. Много видѣлъ интереснаго и занимательнаго. Бывши у Петра Васильевича Приклонскаго — былъ въ семинаріи Московской, — вездѣ — и въ столовой, и въ больницѣ, и въ классахъ, и въ церкви. Признаюсь, не то, что наша Владимірская: тутъ, кажется, и самый лѣннивоцъ невольно будетъ заниматься и долженъ быть хорошимъ. Впрочемъ, матушка лѣнность должно быть и туда заглядываетъ изрѣдка.....

Былъ въ Опекунскомъ совѣтѣ, гдѣ положилъ нѣсколько пеннзей для сбереженія. Какое удивительное зданіе! Господь сподобилъ приложиться къ святымъ угодникамъ — Московскимъ чудотворцамъ и поклониться прочей святынѣ. Въ Успенскомъ соборѣ въ числѣ пѣвчихъ замѣтилъ Пик. Петр. Минервина, но видѣться съ нимъ и поговорить не удалось. Былъ въ Донскомъ монастырѣ и Новоспасскомъ. Вездѣ много занимательнаго и любопытнаго. Пріѣхавши изъ Москвы, занялся писаніемъ годовыхъ отчетовъ по церкви, а тутъ славословилъ Христа по приходу, потомъ опять бродилъ со св. водою: и такимъ образомъ не удалось отвѣтить на ваше первое письмо доселѣ“.

14-го ч. писалъ мнѣ изъ Иванова племянникъ, единовѣр-

ческій діаконъ, Ѡ. С. Виноградовъ и извѣщаль о рожденіи 1850 г у него сына Геннадія.

При письмѣ было приложено 3 р. отъ имени моего зятя В. А. Левашева.

Получивъ письмо и деньги 12-го ч., я писалъ 23-го зятю и племяннику:

„Спѣшу увѣдомить васъ, что ваше пожертвованіе я получилъ 18-го числа: тѣмъ усердіе благодарю васъ за это пожертвованіе, чѣмъ оно съ вашей стороны свободнѣе и безкорыстнѣе, Да, пока я нахожусь въ академіи, пока нѣтъ у меня никакихъ собственныхъ источниковъ для доходовъ, до тѣхъ поръ я не могу отказываться отъ чьего-бы то ни было приношенія. Правда, по слову Писанія, блаженнѣе есть даяти, нежели принимать: но что-же дѣлать, если обстоятельства, или лучше, воля Божія поставили меня въ такое положеніе, что я до времени долженъ быть лишень этого блаженства? Но—Богъ милостивъ, авось и я до живу до той счастливой поры, когда буду имѣть возможность воздать, кому слѣдуетъ, за всѣ полученные мною благія даянія. И эта счастливая пора, кажется, уже не слишкомъ далеко.

Что скажу вамъ о себѣ? Въ настоящемъ особеннаго пока у меня ничего нѣтъ: въ будущемъ представляется довольно утѣшительнаго: но совершатся ли мои надежды, это еще въ волѣ Божіей; а потому и о будущей моей судьбѣ заранѣе ничего еще сообщать вамъ не могу. На сей разъ сказать вамъ могу только то, что я, по милости Божіей, пока живъ и благополученъ“.

Племяннику писалъ:

„Привѣтствую васъ съ поворожденнымъ сыномъ. Рожденіе дѣтей есть видимый залогъ благословенія Божія. Но чтобы это благословеніе Божіе выну почивало на семействѣ, потребно со стороны родителей ревностное попеченіе о добромъ воспитаніи дѣтей. Доброе-же воспитаніе дѣтей не ограничивается одною заботливостію о внѣшнемъ благосостояніи ихъ, ни даже однимъ умственнымъ образованіемъ: оно должно обнимать всѣ силы духовныя и физическія. Но преимущественно, при воспитаніи дѣтей, надобно обращать вниманіе на ихъ сердце; поелику оно есть исходище живота, источникъ всей правственна-религіозной жизни. Въ немъ-то надобно преждо всего полагать сѣмена благочестія

1850 г. и страха Божія. Страшному подлежать осужденію родители, не пекущіеся о добромъ воспитаніи дѣтей. Съ другой стороны, жалкая участь тѣхъ, кои въ дѣтствѣ не получили добраго направленія.

Не знаю присланъ-ли во Влад. консисторію, а въ Московскую давно уже присланъ указъ, которымъ воспрещается доступъ къ семинарскому образованію дѣтямъ причетниковъ, за исключеніемъ самыхъ лучшихъ. Безотрадная участь тѣхъ, коимъ суждено родиться въ низкой долѣ. Счастливы мы съ вами, что предварили это опредѣленіе судьбы. Впрочемъ, слышно, что преосв. митрополитъ Филаретъ протестуетъ противъ такого опредѣленія и, можетъ быть, отвратить эту грозу отъ несчастныхъ причетническихъ дѣтей“.

Въ апрѣлѣ представлено было мною о. инспектору, архимандриту Сергію, курсовое сочиненіе „объ устной исповѣди“. — Благвременное окончаніе этого важнаго ученаго труда весьма обогатило для меня приготовленіе къ послѣднимъ устнымъ испытаніямъ, которыя предстояли въ іюнь мѣсяцѣ.

2-го мая писалъ я Абакумовскому другу, о. М. Граменицкому:

„Извините, опоздалъ не много привѣтствовать васъ съ свѣтлымъ праздникомъ воскресенія Христова: но вамъ хорошо извѣстны мои настоящія обстоятельства, и потому я увѣренъ, что вы съ любовію примете мое и позднее поздравленіе. Да, любезнѣйшій, обѣ послѣднія седмицы — страстная и свѣтлая протекли для меня довольно въ утомительныхъ трудахъ. Кромѣ ежедневной службы, все остальное время я долженъ былъ употребить на довершеніе моего годичнаго труда. И благодареніе Господу! благополучно окончилъ его. Вчера представилъ свое сочиненіе, уже исправленно, о. инспектору. Послѣ его пересмотра останется только переписать. Правда, переписать листовъ двадцать — и это еще по маловажный трудъ для меня, особенно въ настоящую пору, когда начнутся повторенія: но все таки это не то, что вновь писать; при томъ, если не въ силахъ буду заняться перепиской самъ, могу поручить кому-нибудь другому. Итакъ, можете поздравить меня съ окончаніемъ академическаго курса. Правда, теперь предстоятъ намъ еще тяжкіе труды въ теченіи двухъ мѣсяцевъ: но по крайней мѣрѣ они не будутъ соединены съ такимъ

сокрушительнымъ безпокойствомъ и заботой, какія испыталь 1850 г.
я отъ, такъ называемаго, курсоваго сочиненія.

Что ожидаетъ меня въ будущемъ, опредѣленно еще неизвѣстно: но чуть-ли не доведется начать мнѣ служебное поприще тамъ, гдѣ получено мною первоначальное образованіе? Не дурно, кажется, если бы это было и такъ. Но мѣсяца черезъ два или черезъ три эта загадка разрѣшится. Впрочемъ, совершенно предаю себя на этотъ разъ въ волю начальства, котораго вниманіе и расположеніе ко мнѣ довольно очевидны.

Привѣтствую васъ съ новымъ архипастыремъ ¹⁾. Дай Богъ, чтобы онъ былъ такъ-же къ вамъ добръ и внимателенъ, какъ его предшественникъ. Сколько удалось мнѣ слышать, всѣ отзываются о немъ съ хоршею стороны. Случилось ли вамъ до сихъ поръ видѣться съ новымъ архипастыремъ, или нѣтъ? Слышно, преосв. Паросній на этой недѣлѣ отпраляется въ путь, поѣдетъ, разумѣется, мимо вашего погоста; думаю, вы воспользуетесь этимъ случаемъ, чтобы въ послѣдній разъ принять благословеніе отъ своего рукоположителя. Хотѣлось-бы и мнѣ принять благословеніе отъ его высокопреосвященства. Не вздумаетъ-ли онъ изъ Москвы пріѣхать въ лавру на поклоненіе преп. Сергію? Хорошо, еслибы эта благая мысль пришла ему въ голову. На страстной седмицѣ былъ здѣсь такъ-же мимоѣздомъ преосв. Антоній ²⁾, викарій Саратовскій: какой прекрасный человѣкъ! На дняхъ ждуть сюда Костромскаго преосв. Леопида ³⁾. Всѣ эти движенія іерарховъ очень благопріятны для нашего брата — студента академіи. Каждое движеніе, произведенное кончиною какого-бы-то ни было преосвященнаго, непременно дойдетъ до какого-нибудь питомца академіи, и на немъ остановится. Теперь есть въ виду мѣста 3 или 4 ректорскихъ, пока еще не занятыхъ. Всѣ онѣ займутся, безъ сомнѣнія, какими-нибудь инспекторами,

¹⁾ Разумѣется преосв. Густицъ Михайловъ, назначенный въ епископа Владимірскаго 25 февраля 1850 года. Скончался на покоѣвъ Вггелобѣвъ въ монастырѣ 17 марта 1879 года.

²⁾ Шокотовъ, скончавшійся въ санѣ архіепископа Кишиневскаго 13 марта 1871 года.

³⁾ Зарѣцкаго, впоствѣтствіи епископа Екатерина оставскаго, скончавшагося на покоѣвъ дек. 3 дня 1885 года.

1850 г. а на мѣста послѣднихъ ближайшими кандидатами, очевидно, наша братія, имѣющіе нынѣ окончить курсъ академіи.

Во Владим. семинарію назначается ревизоромъ нашъ о. инспекторъ. Кажется, ему нужно будетъ взять съ собой кого-нибудь изъ студентовъ для письмоводительскихъ дѣлъ: по всей вѣроятности онъ пригласитъ кого-нибудь изъ моихъ земляковъ, а можетъ быть, этотъ жребій не падеть-ли на меня? Сопутствовать ему я былъ-бы очень радъ: но заниматься канцелярскимъ дѣломъ едва-ли достанетъ охоты. Впрочемъ, это одна догадка; о. инспекторъ легко можетъ обойтись и безъ помощника: онъ самъ большой мастеръ писать. Что касается до меня, то я и безъ его приглашенія намѣренъ быть во Владимірѣ. Гдѣ будетъ лежать мой путь до Владиміра, еще не рѣшено. О. протоіерей Юрьевскій усердно проситъ меня къ себѣ, — и, кажется, я долженъ буду уважить его просьбу. Если-же какими-нибудь судьбами доведется мнѣ ѣхать Московскимъ трактомъ, въ такомъ случаѣ я вашъ непремѣнный гость.

Съ искреннею къ вамъ любовію и почтеніемъ остаюсь Моск. д. академіи студентъ іеромонахъ Савва“.

3-го ч. писалъ мнѣ изъ Казани студентъ академіи П. Б. Акимовъ:

„Хотя и поздно, но все таки поздравляю васъ съ прошедшимъ праздникомъ свѣтлаго воскресенія Христова и желаю, чтобы Воскресшій былъ всегда вашимъ защитникомъ и покровителемъ.

О. Савва! Не могу не поздравить васъ и съ приближающимся праздникомъ или великою субботою, которая имѣетъ наступить для васъ и для насъ. Молю и прошу Господа, чтобы время послѣ сей субботы было время отдохновенія, покоя и радости, но не скорбей, неприятностей и неудовольствій подобныхъ тѣмъ, какія встрѣтилъ извѣстный вамъ о. Стефанъ — бывший инспекторъ Пермской семинаріи. Вамъ, конечно, не любопытно вѣдать, что съ нимъ случилось, — извольте, сколько знаю, сообщу. Въ Пермской семинаріи наставники собрались невоздержные и въ классахъ вели себя не всегда исправно. О. Стефанъ взялъ, да на журналѣ классическомъ и изволилъ написать: „рекомендуется наставникамъ ходить въ классъ трезвыми“. Когда наставники прочитали эту рецензію, то прямо взопли про-

неніемъ въ академическое правленіе на него и, кажется, 1850 къ оберъ-прокурору. Академич. правленіе потребовало объясненій отъ наставниковъ и инспектора. Инспекторъ много проговорился; я самъ видѣлъ, какъ его объясненіе исчеркано было нашимъ ректоромъ. Послѣ этого изъ Синода поручено было нашему ректору обревизировать Пермскую семинарію. При ревизіи ректоръ открылъ и отнесся въ Синодъ, что о. Стефанъ не только не можетъ быть инспекторомъ, но, по своему безпокойному характеру, — даже и наставникомъ. О. Стефанъ удаленъ отъ должности и, слышно, намѣренъ путешествовать по св. мѣстамъ. Вотъ она судьба-то, а человѣкъ то, кажется, умный и дѣльный!

Мое намѣреніе, по окончаніи курса, уѣхать и опредѣлиться на какую-либо службу на родинѣ, именно въ Ставрополѣ. Я сознаю, что я безъ родины и родныхъ не могу быть счастливъ. А потому откажусь, если будутъ посылать куда-либо.

Прощайте. Помолитесь о многогрѣшномъ студентѣ Иванѣ Акимовѣ.

Курсовое мною окончено: сдано бакалавромъ для поправки—и теперь поправленное уже переписывается. У насъ всѣ посылаютъ въ Синодъ курсовыя, а потому придется еще разъ нанять переписать.

Ваше высокопреподобіе! Я не жду отвѣта отъ васъ до вакаціи, но послѣ вакаціи, когда и куда будете назначены, напишите мнѣ, и я съ удовольствіемъ буду отвѣчать вамъ; адресъ ко мнѣ: въ Ставрополь (на Кавказѣ), г. смотрителю тюремнаго замка Алексію Васильевичу г. Сабашеву для передачи мнѣ“.

7-го ч. мнѣ представился благопріятный случай снова писать моему другу, о. Граменицкому. Въ лавру пріѣхалъ на богомолье помѣщикъ Абакумовскій Е. П. Домашневъ. Съ нимъ я послалъ просфору и слѣдующія строки о. Михаилу:

„Вмѣсто всякаго дорогаго подарка посылаю вамъ, при сей прекрасной оказіи, просфору. Примите ее, какъ благословеніе отъ преподобнаго и богоноснаго о. нашего Сергія, ко св. мощамъ котораго я полагаю ее.

Искренно любящій васъ іеромонахъ Савва.

Семейнымъ вашимъ всѣмъ мое усерднѣйшее почтеніе“.

1850 г. 16-го ч. получилъ я изъ Виѳаніи отъ молодаго профессора—земляка, С. Г. Вишнякова записку слѣдующаго содержанія:

„Вчерашній день чрезъ Григорія Петровича Смирнова просилъ я васъ поискать у кого-либо изъ вашихъ товарищей хотъ старенькихъ лекцій Ив. Пик. Аничкова, по части Псторіи церковнаго краснорѣчія объ Іоаннѣ Златоустѣ. Надѣюсь, что по своей добротѣ и расположенію ко мнѣ, вы исполните мою просьбу. Посылается теперъ къ вамъ мой служитель: прошу васъ покорно вручить тетрадки, ежели они готовы. Не сталъ бы я такъ частойчиво и требовать всего этого, если-бы не было мнѣ крайней нужды. Пишу на публичный экзаменъ статью о Златоустѣ: время коротко, а работы много разнообразной, потому совершенно спѣшу болѣе свободнымъ временемъ воспользоваться для того, чтобы заблаговременно и себя и учениковъ приготовить къ экзамену, за которымъ владыка, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, можетъ обратить на меня особое вниманіе. Опасаюсь какою-либо, хотя малою, несправностию оставить во владыкѣ впечатлѣніе не совсѣмъ выгодное“.

18 ч. писалъ мнѣ о. Граменицкій въ отвѣтъ на мои письма:

„Съ искреннею благодарностию и благоговѣніемъ приѣмлю свящ. даръ — просфору, какъ благословеніе преп. отца Сергія.

Вы извѣщаете, что можно уже поздравить васъ съ окончаніемъ учебнаго поприща. Поздравляю васъ отъ полноты любящаго сердца! Да сподобитъ васъ Господь Богъ благополучно приплыть къ чаемой пристани, да увѣнчается желаннымъ успѣхомъ ваше ожиданіе! Еще возжелѣннѣе слышать предположеніе о бытіи вашемъ во Владимірѣ. Для васъ это было-бы пріятно, а для родныхъ, знакомыхъ и любящихъ васъ, благотворно. Радуюсь гмѣстѣ съ вами, что свалили вы курсовое сочиненіе — тяжкую заботу; переписать готовое можно препоручить и другому.

Да, у насъ новый архипастырь. Быть у него на лицѣ еще не удалось; собираюсь вскорѣ къ нему для испрошенія разрѣшенія покрасить церковь. Хорошо-бы заслужить точно такое же вниманіе его, какимъ пользовался я отъ высокопреосв. Пароенія. Но теперъ-то уже я совершенно не надѣюсь. Мое положеніе стѣсняется почти со всѣхъ сторонъ. Я слабая былица въ пустомъ бору, трудно лучамъ солнца

1850 1
через частыя вѣтви и широкія листья проникнуть и согрѣть ее: а съ земли-то сія былина подъ корень подтачивается червемъ, ожидаю.... Одна надежда Богъ.. Очень хотѣлось привять благословеніе рукоположителя своего, но никто не зналъ времени его проѣзда Липнею, — онъ 9-го мая проѣхалъ мимо насъ скромнымъ и тихимъ образомъ.

Располагаетесь ѣхать до Владиміра чрезъ Юрьевъ, — а я бы отъ души просилъ избрать нашъ трактъ, такъ какъ удобнѣйшій, — и осчастливить насъ своимъ посѣщеніемъ. Тутъ я бы васъ поздравилъ уже реально, формально. Всѣ мои домашніе, съ величайшимъ желаніемъ, — даже малые дѣти, ждуть васъ. Какъ мнѣ хочется побесѣдовать съ вами! вѣрно, много-бы утѣшенія вы влили въ мое раздираемое сердце.

Пожелавъ вамъ подкрѣпленія при настоящихъ обстоятельствахъ свыше, и препоручивъ себя вашимъ молитвамъ съ принятіемъ на себя обязанности молиться Богу о вашемъ благополучіи, съ чувствомъ глубокаго уваженія имѣю честь пребыть вашего преподобія искреннимъ и навсегда къ вамъ признательнымъ Абакумовскій священникъ М. Граменицкій
Мая 18 дня 1850 года.

Не имѣете-ли нужды въ финансахъ — извольте, если угодно, хоть немножко. Предполагаю, что вашъ кошелекъ теперь не истощился. 3 р. серебр. примите на чай“.

24-го ч. писалъ я къ роднымъ въ Иваново:

„Пріятно и слышать о родныхъ добрыя вѣсти, но думаю, еще пріятнѣе читать ихъ собственное повѣствованіе о себѣ и о своихъ обстоятельствахъ. На семъ основаніи я не захотѣлъ ограничиться однимъ устнымъ, и при томъ посредственнымъ, извѣстіемъ о себѣ, но при всей тѣснотѣ обстоятельствъ, расположился, хотя въ краткихъ строкахъ, собственноручно засвидѣтельствовать о себѣ, что я по милости Божіей и заступленію преп. Сергія, живъ и здоровъ. Я упомянулъ о тѣснотѣ обстоятельствъ: дѣйствительно, теперь у насъ время самое трудное, — тоже, что въ крестьянскомъ быту жатва. Теперь мы собираемъ плоды четырехлѣтняго сѣянія: и—горе тому, кто опуститъ это благопріятное время!—въ цѣлую жизнь трудно будетъ возратить то, что теперь неблагоразумно будетъ опущено. Я говорю о повтореніяхъ лекцій и о предстоящемъ окончательномъ экза-

1850 г. мѣсь. Вчера уже явился къ намъ безсмѣнный ревизоръ—высокопреосв. Филаретъ. Но, съ другой стороны, какъ пріятно будетъ насладиться отдохновеніемъ послѣ продолжительныхъ трудовъ и подвиговъ!—Послѣ окончанія школьныхъ дѣлъ я не предвижу никакихъ препятствій къ предпріятію путешествія. Увѣренъ, что мое посѣщеніе будетъ для васъ не непріятно, и потому слѣдовало-бы мнѣ прежде всего поспѣшить къ вамъ, но мнѣ представляется болѣе удобнымъ пачать свое странствованіе съ противоположнаго конца—съ Мурома, куда такъже усердно приглашаютъ меня и родные и знакомые. Къ вамъ-же въ такомъ случаѣ я могу поспѣть не ранѣе, кажется, послѣднихъ чиселъ августа, или первыхъ сентября: потому что на пути отъ Мурома и до Иванова мнѣ предстоитъ очень много мѣсть, кои я долженъ посѣтить. Но чѣмъ продолжительнѣе ожиданіе, тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе“.

17-го числа получилъ я письмо изъ Вязниковъ отъ о. Василія Богородскаго; онъ писалъ:

„Пожелавъ вамъ отъ души добраго здравія, я со всеѣмъ участіемъ друга, молю вамъ и счастливаго окончанія академич. трудовъ вашихъ. Промыслъ совершилъ надъ вами испытаніе ума и болѣе сердца и близко готовить покой и награду. Радуюсь за васъ, когда вы уже, я думаю, съ великимъ удовольствіемъ смотрите въ пріятную свою будущность. И пора, пора сколько нибудь насладиться послѣ трудовъ и честнымъ покоемъ! Дай вамъ, Господи, счастливейшаго окончанія!...“

А за сямъ желаю пріятнаго съ вами свиданія личнаго. Непремѣнно, другъ! не забудьте меня, когда въ Муромѣ или на родинѣ будете. Я васъ съ полною надеждою жду, и дождусь, если только вы не измѣнитесь съ полученіемъ довольно важной степени. Дружба, кажется, степенями не разрывается,—и дружескія сердца ни пространствомъ, ни молчаніемъ не охладѣваютъ въ чувствахъ взаимныхъ.

Ждемъ на той недѣлѣ въ Вязники новаго нашего преосв. Густина, который теперь въ Муромѣ; не много безпокоимся, не зная его ни характера, ни свойствъ, ни ума ни обхожденія. Впрочемъ, безпокойство безъ рабскаго страха, потому-что слухъ объ немъ уничтожаетъ оный. Архиастанырь—благонамѣренный, и добрый, и кроткій сердцемъ“.

Среди окончательныхъ частныхъ испытаній устныхъ даны 1850 г были намъ, для письменныхъ сочиненій, слѣдующія темы: 1) *Num ea, quae de igne infernali in Evangelio (Luc. XVI) dicuntur, intelligenda sunt metaphorice?*—2) „Почему благодать спасающая не истребляетъ въ человѣкѣ возрожденномъ склонности ко грѣху“? 3) „Какимъ образомъ служило ко благу народа Еврейскаго сорокалѣтнее странствованіе въ пустынь“?

Приближался конецъ четырехлѣтнихъ академическихъ трудовъ. Естественно возбуждался въ душѣ вопросъ: что-же ожидаетъ меня за порогомъ высшаго святилища наукъ?—Какая участь готовится мнѣ и гдѣ я долженъ начать новое поприще служенія св. Церкви?—Всѣ это покрыто было для меня таинственною завѣсою. Возникло во глубинѣ сердца тайное желаніе поступить на службу въ Виоанскую семинарію, гдѣ были мнѣ нѣсколько знакомы и ректоръ архим. Леонидъ ¹⁾, и инспекторъ іеромонахъ Наованаилъ ²⁾, и гдѣ могъ я найти дружественный пріемъ и моего прежняго наставника и покровителя Я. И. Владыкина, и моего почти сверстника по семинаріи, профессора Мих. Дм. Никольскаго ³⁾, и моего бывшего питомца по Шуйскому училищу, профессора С. Г. Вишнякова. Не мало при семъ значило и то, что Виоанская семинарія находилась вблизи родной академіи, откуда я могъ бы получать и ученую помощь, и нравственную поддержку. Но я боялся и намекнуть кому-бы то ни было объ этомъ сокровенномъ желаніи. Для меня и для другихъ болѣе вѣроятнымъ казалось то, что я буду назначенъ на какую-либо должность въ родную Владимірскую семинарію.

Между тѣмъ, моя судьба, по премудрой и всеблагой волѣ Провидѣнія, устроилась такъ, какъ ни я и никто другой не могъ и вообразить.

Вотъ какъ это произошло.

Не задолго до окончанія нашего курса въ академіи, Московскій владыка, высокопреосвященный митрополитъ

1) Красношвъковъ, скончавшійся 15 дек. 1876 г. въ санѣ архіепископа Ярославскаго.

2) Нектаровъ, скончавшійся въ должности ректора той же семинаріи и въ санѣ архимандрита 2 сент. 1857 года.

3) Влосльдегвін Московскаго протоіеря, скончавшагося 27 іюля 1897 г.

1850 г. Филаретъ озабоченъ былъ мыслию о прінсканіи способнаго и благонадежнаго кандидата на должность ризничаго въ Моск. Синодальную (бывшую Патріаршую) ризницу.

Должность эту съ 1839 г. занималъ соборный іеромонахъ Евстаѳій (Романовскій), кандидатъ IX курса (1834 г.) Моск. дух. академіи. Не обладая особенными умственными дарованіями, онъ всегда отличался строго-монашескою жизнію. Вслѣдствіе - ли чрезмѣрныхъ аскетическихъ подвиговъ или иныхъ какихъ либо причинъ, онъ не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ и былъ подверженъ, по временамъ, крайней раздражительности. А такое физическое и нравственное состояніе о. Евстаѳія весьма не благопріятствовало его оффиціальнымъ отношеніямъ къ лицамъ, которыя имѣли надобность входить съ нимъ въ тѣ или другія сношенія. Прежде всего не мирны были его отношенія къ Синодальной канторѣ, отъ которой онъ былъ въ исключительной зависимости по своей должности;—особенно онъ былъ въ постоянномъ почти разладѣ съ прокуроромъ этой канторы А. А. Лопухинимъ, который, въ свою очередь, и самъ былъ не доволенъ имъ. Слышны были жалобы на іеромонаха Евстаѳія и отъ посѣтителей Синодальной ризницы, а также отъ ученыхъ, занимавшихся рукописями Синодальной бібліотеки. По своему болѣзненному и раздражительному характеру, онъ или вовсе не допускалъ до обозрѣнія древнихъ сокровищъ ризницы и бібліотеки, или неохотно удовлетворялъ любопытству посѣтителей, между которыми часто бывали знатныя и важныя особы. Не вполне остался доволенъ о. Евстаѳіемъ и Высочайшій Посѣтитель Синодальной ризницы и бібліотеки, Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ апрѣлѣ 1849 г. Онъ замѣтилъ въ ризницѣ на полкахъ не мало пыли, — о чемъ ясно высказалъ смотрителю Дворца, полковнику Ильину. Въ то же время и самъ о. Евстаѳій началъ скучать непосильною для него должностію Синодальнаго ризничаго.

Все это побуждало митрополита къ устраненію іеромонаха Евстаѳія отъ занимаемой имъ должности: но кѣмъ его замѣнить?—Вотъ вопросъ!—Въ виду у владыки благонадежнаго кандидата на эту должность не имѣлось. Посему онъ обратился съ этимъ вопросомъ къ ректору академіи, архимандриту Алексію, когда этотъ пріѣзжалъ на Пасху въ

Москву въ свой Заиконоспасскій монастырь. О. ректоръ 1850 г указалъ ему на меня. Владыка обрадовался этому указанію и приказалъ о. ректору показать ему меня, когда онъ будетъ въ академіи на частныхъ экзаменахъ.

Въ маѣ, или въ первыхъ числахъ іюня высокопреосв. митрополитъ прѣѣхалъ въ лавру къ храмовому празднику св. Троицы и послѣ праздника началъ посѣщать, въ качествѣ ревизора, наши частныя экзамены. Не помню, въ какой день былъ на нашемъ старшемъ курсѣ экзаменъ по Русской церковной исторіи. По началіи уже экзамена, митрополитъ входитъ въ залу и едва лишь сѣлъ онъ въ кресло, ректоръ вызываетъ меня къ столу. Экзаменъ производился по билетамъ, на которыхъ означался вопросъ съ краткимъ изложеніемъ его содержанія. Мнѣ достался билетъ о жизни св. Іовы, митрополита Московскаго. Пока отвѣчалъ вызванный предо мною студентъ, я успѣлъ сообразить отвѣтъ на данный мнѣ вопросъ. Когда я началъ говорить, митрополитъ чрезвычайно внимательно смотрѣлъ на меня; это однакожь не смутило меня, и я съ спокойнымъ духомъ передалъ все, что заключалось въ вопросѣ. Когда я окончилъ, владыка изволилъ сказать: „порядочно ты говоришь“. — Товарищи поздравили меня съ такимъ одобрительнымъ отзывомъ, какого на этотъ разъ никю изъ нихъ не заслужилъ.

Когда, въ тотъ же день вечеромъ, о. ректоръ пришелъ къ митрополиту съ дѣлами, владыка сказалъ ему: „ну, понравился мнѣ твой Савва; спроси его, не захочетъ ли онъ быть на должности ризничаго.“

На другой или на третій день о. ректоръ, по окончаніи всенощной, которую мы вдвоемъ съ товарищемъ іеромонахомъ (Аврааміемъ) не рѣдко совершали въ его покояхъ въ будничные дни, когда онъ располагался на другой день совершать по какому либо случаю литургію, — отпустивъ моего товарища, меня удержалъ и тутъ наединѣ предложилъ мнѣ сначала слѣдующій вопросъ: „куда вы, о. Савва, желали бы, по окончаніи курса поступить на службу?“ — Я сказалъ, что я, будучи монахомъ, не могу по своей волѣ располагать собою и долженъ идти туда, куда угодно будетъ послать меня начальству. — Одобривъ мой скромный отвѣтъ, о. ректоръ сообщилъ мнѣ, что академическое начальство имѣло въ виду послать меня во Владимірскую семина-

1850 г. рѣшу на должность инспектора, но что въ настоящее время открывается другая, своего рода ученая, должность—Синодальнаго ризничаго въ Москвѣ, и почетная, и выгодная въ матеріальномъ отношеніи (съ жалованьемъ въ 800 слишкомъ рублей сер.); и вотъ на эту-то должность начальство приглашаетъ меня.—Припомнивши слышанный мною за годъ предъ тѣмъ отзывъ товарища моего—пѣвчаго о должности Синодальнаго ризничаго, я, не смотря на представляемыя мнѣ о. ректоромъ выгоды этой должности, начальрѣшительно отказываться отъ нея. Когда же онъ въ заключеніе объявилъ мнѣ, что этого желаетъ самъ владыка, тогда я со смиреніемъ долженъ былъ преклониться предъ священной волею великаго архиепископа. Тѣмъ не менѣе однакожь я пошелъ на другой день посоветоваться объ этомъ съ досточтимымъ профессоромъ А. В. Горскимъ, который въ это время приступилъ уже къ своему знаменитому труду—описанію славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки. Но и тотъ не только не сталъ отклонять меня отъ предложенной мнѣ должности, но напротивъ выразилъ свою искреннюю радость, что эта должность поручается мнѣ, такъ какъ и онъ, занимаясь описаніемъ рукописей помянутой библіотеки, не рѣдко встрѣчалъ затрудненія со стороны строптиваго хранителя оныхъ, іеромонаха Евстаѳія. Такимъ образомъ моя судьба была рѣшена. Когда о. ректоръ доложилъ митрополиту о моемъ согласіи поступить на должность Синодальнаго ризничаго, владыка не замедлилъ войти съ представленіемъ о семъ въ Св. Синодъ.—Между тѣмъ, онъ писалъ объ этомъ отъ 6 авг. 1850 г. и своему присному ученику и другу, преосвященному Григорію ¹⁾, бывшему тогда архіепископомъ Казанскимъ: „представлено мною, чтобы Синодальнаго ризничаго (іеромонаха Евстаѳія) произвестъ въ архимандрита въ Высотскій (Серпуховскій) монастырь, а на его мѣсто опредѣлить студента академіи іеромонаха Савву“ ²⁾.

Оставалось, наконецъ, выдержать послѣднее устное испы-

¹⁾ Впоследствии митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, скончавшемуся 17 іюня 1860 года.

²⁾ *Учен. въ Общ. любит. дух. просв.* 1877 г. дек. стр. 160.—Отдѣльный оттискъ (N 5127) - письмо 37, стр. 39

таніе по всѣмъ предметамъ старшаго академическаго курса 1850 г. предъ лицомъ знаменитаго ревизора, преосв. митрополита Филарета и посторонней, духовной и сѣвѣтской, публики. Благополучно совершилось для меня, по милости Божіей, и это окончательное испытаніе.

По окончаніи публичныхъ экзаменовъ, принесено было въ Троицкомъ соборѣ, при св. мощахъ великаго угодника Божія Сергія—покровителя иноческой лавры и обители высшаго духовнаго ученія,—торжественное благодареніе Господу Богу—верховному источнику и подателю всякой мудрости, о благополучномъ совершеніи четырехлѣтняго поприща нашего академическаго образованія.

Разставаясь съ академіею, я не могу не помянуть добрымъ словомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Курсъ окончилъ курсъ въ 1850 г. 51 человекъ: изъ нихъ болѣе близкими ко мнѣ, кромѣ земляковъ—Владиміръцевъ, были слѣдующіе воспитанники:

И. Д. Рождественскій—въ монашествѣ Пгнатій. О немъ было уже говорено.

Егоръ Ив. Поповъ—изъ Вологодской семинаріи. Съ января 1850 г., приготовляясь къ монашеству, онъ жилъ съ нами такъ же, какъ и Рождественскій, въ монашеской кельѣ. Кромѣ студенческихъ обязанностей, онъ исправлялъ еще должность письмоводителя по академическому правленію. Совмѣщеніе этихъ обязанностей служило къ немалому ущербу его, отъ природы не крѣпкаго, здоровья. 26 февраля онъ постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Порфирія.

Гермонахъ Пареній изъ Болгаръ. Онъ жилъ въ особой кельѣ, но не рѣдко посѣщалъ меня, равно какъ и я его. Много любопытнаго разсказывалъ онъ мнѣ о своей родинѣ и о тамошнихъ обычаяхъ какъ церковныхъ, такъ и бытовыхъ. По возвращеніи на свою родину, онъ вскорѣ получилъ епископскій санъ ¹⁾.

1) Вотъ какія свѣдѣнія впоследствии получилъ я о судьбѣ своего добраго товарища:

Пареній (Оленовъ), родомъ изъ Дебравы Македоніи, учился въ Афинахъ потомъ уѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Кишиневскую семинарію и оттуда перешелъ въ Московскую академію, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1850 г.) со степенью кандидата. Здѣсь онъ приобрѣлъ знакомства, былъ известенъ

1850 г. Алексѣй Петрович Лавровъ—изъ Ярославской семинаріи. Отличался благоправіемъ и кроткимъ характеромъ, онъ располагался еще въ академіи принять монашество и просилъ на этотъ счетъ моего совѣта. Я далъ совѣтъ не спѣшить этимъ дѣломъ и зрѣлѣе обдумать свое намѣреніе.—Въ послѣдствіи времени, мысли его измѣнились и онъ вступилъ въ бракъ, принявъ за тѣмъ священный санъ, но потомъ овдовѣлъ. Нынѣ занимаетъ онъ должность законоучителя въ Демидовскомъ лицѣѣ, въ Ярославлѣ.

Александръ Григ. Воздвиженскій—изъ Виенской семинаріи, сынъ священника заштатнаго города Воскресенска. Съ нимъ я познакомился въ самомъ началѣ академическаго курса чрезъ посредство Виенскаго паставника Я. И. Владыкина. Воздвиженскій такъ расположился ко мнѣ и такое возымѣлъ ко мнѣ довѣріе, что разъ обратился съ просьбою

вѣзмъ славянофиламъ и доставлялъ имъ старинныя рукописи съ своей родины. По возвращеніи изъ Россіи, онъ основалъ на Аѳонѣ училище, но скоро его закрылъ и былъ затѣмъ назначенъ профессоромъ славянскаго языка въ Халкійскую семинарію. Во время войны 1854 года его удалили по причинѣ его симпатіи къ Россіи, и онъ снова поселился на Аѳонѣ. Вернувшись послѣ войны въ Константинополь, онъ замѣнилъ Анѳима (Голанова) въ должности іеромонаха при Русской посольской церкви, а когда устроили Болгарскую церковь въ Фанарѣ, то при ней учредилось училище. ректоромъ котораго онъ и былъ назначенъ...

Въ 1862 г. Пареніи назначенъ былъ епископомъ въ г. Кукушъ, Иоліанской епархіи, вопреки желанію мѣстнаго Салоникскаго митрополита Неофита, и потому этотъ послѣдній старался всячески ему вредить. Съ помощію интригъ, подкузовъ и лжесвидѣтелей ему удалось обвинить Паренію въ еретичесствѣ и другихъ преступленіяхъ и Неофитъ созвалъ мѣстный синодъ въ Салоникахъ, на которомъ 7-мъ епископовъ признали его виновнымъ и немедленно посадили его въ заключеніе. Но ему удалось убѣжать въ Константинополь, и тамъ онъ явился въ патриархію, что страшно разсердило патриарха; бѣдный Пареніи былъ снова занертъ, затѣмъ былъ сосланъ на острова, но чрезъ нѣсколько дней возвращенъ.

Паренію обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ будто бы угрожалъ, что если его епархію не обратятъ въ митрополию, то весь народъ обратится въ унию. Посланный патриархомъ для изслѣдованія дѣла митрополитъ преславскій Анѳемъ (воспитаникъ также Московской академіи), защитилъ Паренію.—Пареніи былъ торжественно оправданъ, но въ Кукушѣ не поѣхалъ. Его перевели въ Пшавскую епархію.

Свѣдѣнія эти заимствованы изъ статьи А. П. Муромцевой, подъ заглавіемъ „Первый Болгарскій экзархъ, блаженный Анѳемъ,“—помѣщ. въ 151 томѣ *Русск. Вѣстника* за 1881 г., стр. 332—338.

о принятіи его на исповѣдь, но я отклонилъ эту просьбу. 1850₁
Онъ не разъ также выражалъ предо мною желаніе принять священный санъ, не вступая въ бракъ. Однакожъ впослѣдствіи, какъ я слышалъ, онъ, поступивши на службу въ Ярославль, женился и вскорѣ за тѣмъ скончался.

Алексѣй Егоровичъ Викторовъ—изъ Орловской семинаріи. Съ нимъ такъ же какъ и съ Воздвиженскимъ я познакомился на первыхъ порахъ академической жизни. Онъ часто посѣщалъ нашу монашескую келью, гдѣ жилъ его землякъ, помянутый выше іеродіаконъ Серапіонъ. Скончался Викторовъ въ 1883 году.

Александръ Павловичъ Камышинскій—изъ Воронежской семинаріи, родной племянникъ пресловутаго В. И. Аскоченскаго.—Не знаю, почему, онъ имѣлъ ко мнѣ особенную привязанность, и по выходѣ изъ академіи, не разъ писалъ мнѣ изъ Воронежа, куда онъ поступилъ на службу.

Въ первыхъ числахъ іюля я расположился, съ разрѣшенія о. ректора академіи, отіраться на родину, для свиданія съ родными и знакомыми. По предѣ выѣздомъ изъ академіи я писалъ отъ 2-го іюля въ с. Абакумово о. Мих. Граменицкому, въ отвѣтъ на его письмо отъ 12 мая:

„Не безъ достаточныхъ причинъ и не безъ особеннаго намѣренія откладывалъ я со дня на день отвѣтъ на ваше послѣднее письмо отъ 15 мая, которое бы, впрочемъ, требовало тѣмъ скорѣйшаго отвѣта, чѣмъ оно обязательнѣе для меня по предложенному при немъ знаку вашего ко мнѣ усердія. О причинахъ медленнаго моего отвѣта на сей разъ и говорить нечего: онѣ могутъ быть очень понятны для васъ. Мимоходомъ скажу только, что мѣсяць іюнь стоилъ для насъ всѣхъ 4-хъ годовъ: такъ было тѣсно и трудно это время, что не только некогда было заниматься посторонними дѣлами, но и существеннаго исполнить въ точности не было никакой возможности. По воть, по милости Божіей, и это трудное время наконецъ миновало.

Какъ ни спокойно было для меня въ академіи: но признаюсь вамъ откровенно, не безъ сердечнаго удовольствія расстаюсь съ школьною жизнью. Видно, всему свое время подъ солнцемъ: время садити и время собирать саженное; время учиться и время учить. Дѣла мои окончены всѣ, какъ нельзя лучше,—такъ, какъ я не могъ и ожи-

1850 г. дать.--А что особенно важно и приятно для меня,--такъ это то, что я не только заслужилъ доброе расположеніе моего непосредственнаго начальства, но и имѣлъ счастье обратить на себя вниманіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита--не своими успѣхами (они очень обыкновенные), а чѣмъ-то другимъ. И въ слѣдствіе этого мнѣ заранѣе уже предложено отъ его высокопреосвященства такое мѣсто, о какомъ ни я, ни кто-либо другой и помыслить не могъ. Должность, которая мнѣ предназначается, правда, не прямо ученая, но тѣмъ не менѣе требующая для своего исполненія предварительнаго ученаго образованія. Что это за должность, --объ этомъ до времени я обязанъ волею начальства никому не открывать. Скажу только, что мнѣ суждено начать службу въ первопрестольной нашей столицѣ. Я и самъ еще не имѣю опредѣленнаго понятія о предназначенной мнѣ должности, и потому не знаю, въ состояніи ли буду надлежащимъ образомъ проходить ее: но отказываться отъ предложенія столь мудраго и прозорливаго архипастыря, каковъ нашъ владыка, я почитаю не безопаснымъ. Успокоиваю себя на этотъ разъ тою мыслию, что воля начальства есть воля Божія. Итакъ, да будетъ надо мною воля Божія!

Что касается до моего путешествія, я весьма желалъ-бы начать оное посѣщеніемъ вашего гостепріимнаго дома: но опасаясь оскорбить и другихъ отказомъ въ удовлетвореніи подобнаго вашему желанію.

Такъ недавно писалъ мнѣ письмо о. протоіерей Юрьевскій, въ которомъ убѣдительношимъ образомъ просилъ меня въ свой домъ. Итакъ, простите меня Бога ради, если я на сей разъ не исполню вашего желанія, въ искренности котораго я совершенно увѣренъ. Выѣхать изъ лавры я намѣревался было сегодня (3 іюля): но о. ректоръ убѣдилъ меня остаться еще на нѣсколько дней. О вступленіи въ упомянутую должность мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно: но во всякомъ случаѣ долженъ теперь разстроиться заранѣе составленный мною планъ путешествія: я не только долженъ буду отказаться отъ свиданія съ нѣкоторыми знакомыми, но и время посѣщенія ближайшихъ родныхъ нужно будетъ значительно сократить.

За симъ съ чувствомъ глубокой признательности за ваше

приношеніе и съ искреннею къ вамъ любовію честь имѣю 1850 г.
 пребыть окончившій курсъ Моск. духовн. академіи (буду-
 щій магистръ) іеромонахъ Савва.

Любезнѣйшей супругѣ вашей и всему семейству-мое
 усерднѣйшее почитаніе.

Р. S. Сейчасъ узналъ я, что на окончательной конфе-
 ренціи, подъ предсѣдательствомъ высокопр. митрополита,
 я утверждень подъ 10 №, — Григорій Петровичъ ¹⁾ подъ 4.
 Изъ Владимірскихъ еще двое ²⁾ въ первомъ разрядѣ, и
 одинъ ³⁾ во второмъ“.

4-го числа писалъ я въ Иваново къ роднымъ:

„Съ любовію спѣшу извѣститъ васъ о моихъ настоящихъ
 обстоятельствахъ. Благодареніе Господу, — я достигъ на-
 конецъ цѣли моихъ стремленій. Четырехлѣтніе труды мои
 увѣнчались счастливымъ успѣхомъ. Всѣ дѣла мои окончены
 какъ нельзя лучше. Остается теперь насладиться пріятнымъ
 отдохновеніемъ среди родныхъ и знакомыхъ. На сихъ дняхъ
 я намѣренъ отправиться въ путь. Какъ ни сильно ваше
 желаніе видѣться со мною, сколько можно скорѣе: но прошу
 не посѣтовать на меня, если я нѣсколько замедлю своимъ
 къ вамъ пріѣздомъ. Мнѣ и самому хотѣлось бы поспѣшить
 къ вамъ: но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ я нахожу
 нужнымъ начать именно съ Мурома: потому что, въ про-
 тивномъ случаѣ, если, то есть, я начну съ васъ, можетъ
 случиться такъ, что мнѣ и не удастся быть въ Муромѣ:
 а это будетъ прогивно и моему собственному желанію, и
 желанію тамошнихъ моихъ родныхъ. Но васъ я ни въ къ-
 комъ случаѣ не захочу оставить безъ посѣщенія. Для васъ
 въ настоящемъ случаѣ разность только та, что я заставляю
 васъ нѣсколько долѣе, нежели какъ хотѣлось-бы вамъ,
 ждать себя. Но, согласитесь сами, чѣмъ продолжительнѣе
 ожиданіе, тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе. Впрочемъ, сколько
 будетъ зависѣть отъ меня, я постараюсь совершить путь
 до Мурома и обратно до Иванова съ возможною скоростію,
 какъ ни много предстоитъ мнѣ на этомъ разстояніи пере-
 путій. Игакъ, будьте великодушны и не прогнѣвайтесь Бога

¹⁾ Быстрицкій.

²⁾ Яковъ Беневоленскій и Василій Изоровъ.

³⁾ Феодоръ Остроумовъ.

1850 г. ради на меня, если откажываюсь на сей разъ удовлетворить вашему желанію, въ искренности котораго я отнюдь не сомнѣваюсь. Если Богу будетъ угодно, то увидимся и утѣшимся взаимнымъ свиданіемъ.

Относительно будущей моей судьбы я имѣю теперь довольно уже опредѣленное указаніе. По личному ко мнѣ вниманію и благоволенію высокопр. митрополита, мнѣ назначается должность въ самой Москвѣ, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ его высокопреосвященства. Гдѣ именно и какая это должность, узнаете отъ меня при личномъ свиданіи⁴.

На другой день праздника преп. Сергія, 6-го ч., я отправился въ путь вмѣстѣ съ тремя товарищами—земляками, Быстрицкимъ, Взоровымъ и Остроумовымъ. Путь нашъ лежалъ чрезъ города Александровъ и Юрьевъ. Въ Александровѣ мы посѣтили достопочтеннаго настоятеля собора, протоіерея Іак. В. Миловскаго¹⁾. Какъ воспитанникъ Московской академіи, онъ принялъ насъ очень ласково и радушно. Въ Юрьевѣ я ночевалъ у своего родственника протоіерея А. И. Соловьева. Во Владимірѣ мы всѣ вмѣстѣ представлялись новому архипастырю, преосв. Іустину. Онъ принялъ въ затѣ у порога довольно сухо и когда я, на его вопросъ о моемъ назначеніи, сообщилъ ему, что я представленъ на должность Синодальнаго ризничаго въ Москву, онъ выразилъ какую-то двусмысленную мину. Тѣмъ и окончилось наше коллективное представленіе его преосвященству.

Изъ Владиміра мы всѣ разошлись по разнымъ сторонамъ. Я отправился въ Муромъ.

Въ Муромѣ всѣ,—и родные и знакомые, встрѣтили меня съ радостію. По приглашенію о. протоіерея Троипольскаго, я служилъ въ соборѣ, и за это, по его-же распоряженію, получилъ отъ соборнаго старосты, купца Зворыкина, полумперіаль.

Изъ Мурома, чрезъ село Оомпнку, гдѣ провелъ сутки у священника О. П. Обтемперанскаго, я прибылъ въ г. Вязники. Здѣсь на короткое также время остановился у своего школьнаго товарища и друга, священника В. П. Богородскаго: онъ принялъ меня съ восторгомъ и разговорамъ нашимъ не было конца.

¹⁾ Могистра VII курса (вып. 1830 г.). Московской духовной академіи.

Изъ Вязниковъ, чрезъ село Пантелеево, гдѣ посѣтилъ 1850
родственника своего діакона Мануила Петровича, пріѣхалъ
въ село Хотимль, гдѣ встрѣтилъ меня радушный пріемъ
двоюроднаго зятя Ив. Николаевича и сестры Мавьи Пет-
ровны Успенскихъ. У нихъ пробылъ я дни два или три.

27-го іюля пріѣхалъ въ Шую и остановился въ домѣ
соборнаго протоіерея и смотрителя училищъ В. Я. Цвѣт-
кова. 28-го ч. въ Шуйскомъ соборѣ праздникъ въ честь
Шуйской-Смоленской иконы Божіей Матери и торжественный
крестный ходъ вокругъ всего города. Послѣ хода я при-
глашень былъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, на завтракъ въ
домъ купца Корвилова. Здѣсь встрѣтился неожиданно съ
старымъ знакомымъ помѣщикомъ, С. А. Лазаревымъ-Ста-
нищевымъ, у котораго я училъ дѣтей. Онъ былъ на этотъ
разъ уѣзднымъ исправникомъ. Бывши въ Шуѣ, я не за-
былъ посѣтить свою добрую и благодѣтельную хозяйку, у
которой я нѣкогда квартировалъ, Александру Ивановну
Болотову. Почтенная старушка весьма обрадовалась моему
посѣщенію и, прощаясь со мною, положила мнѣ въ руку
золотой полуимперіаль, примолвивши: „помолися, батюшка,
обо мнѣ“. Какъ ни отказывался я отъ пріпятія этого дара,
но долженъ былъ исполнить волю благочестивой старицы.
Имя рабы Божіей Александры, вмѣстѣ съ полуимперіа-
ломъ, до сихъ поръ сохраняется въ моей памяти.

29-го ч. послѣ обѣда пріѣхалъ я на свою родину, въ
село Горицы, и остановился въ домѣ о. Василія Сапоров-
скаго. Онъ принялъ меня съ родственною любовію.

Изъ Гориць, чрезъ Кохму, гдѣ на короткое время ви-
дѣлся съ сестрою Анною Михайловной и ея семействомъ,
я поспѣшилъ въ Иваново, гдѣ съ петербѣнцемъ ожидали
меня родные.

Въ Ивановѣ пробылъ я до 4-го августа, и оттуда от-
правился въ Ростовъ, куда прибылъ 5-го числа и остано-
вился въ Яковлевскомъ монастырѣ, гдѣ настоятельствомъ
тогда бывшій ректоръ Владим. семинаріи о. архим. Поли-
карпъ. Онъ принялъ меня какъ роднаго.

Въ ночь на 6-е число прибыли въ Ростовъ великіе князья
Николай и Михаилъ Николаевичи, путешествовавшіе въ это
время по Россіи. Послѣ литургіи, которая въ этотъ день,
по случаю дванадцатаго праздника Преображенія Господня,

1850 г. совершалась съ особенною торжественностію, Ихъ Высочества посѣтили монастырь и за тѣмъ удостоили своимъ посѣщеніемъ покой настоятеля. Старець архимандритъ былъ внѣ себя отъ радости и чашки, изъ которыхъ высокіе гости пили чай, сохранилъ какъ драгоцѣнные памятники.

Спасо-Яковлевскій Ростовскій монастырь расположенъ на берегу большого озера Неро, въ которомъ мнѣ едва не пришлось погибнуть; и вотъ по какому случаю.

Въ монастырѣ встрѣтилъ меня товарищъ по академіи Василій Никольскій, сынъ священника села Порѣчья, расположеннаго на противоположномъ отъ монастыря берегу озера Неро. Онъ убѣдилъ меня посѣтить домъ его родителя; я не могъ отказать въ просьбѣ товарищу, согласился. Путь нашъ лежалъ чрезъ озеро и мы отправились въ небольшой лодочкѣ, присланной отцомъ Никольскаго съ крестьявиномъ. Едва сѣли мы въ лодку и отчалили отъ берега, какъ поднялся вѣтеръ, сначала тихій, а потомъ, по мѣрѣ удаленія нашего отъ берега, становился сильнѣе и сильнѣе; но пока было мелко, лодка шла довольно спокойно, а когда достигли мы середины озера, гдѣ глубина была очень значительная, лодка едва не опрокидывалась на каждомъ шагу, и я почти отчаявался въ жизни. Къ счастью, съ нами сѣлъ въ лодку какой-то отставной солдатъ и онъ помогаль лодочнику удерживать въ равновѣсіи ладью. Когда миновали мы глубину, стать утихать и вѣтеръ, и вторую половину пути, при ясной погодѣ и совершенной тишинѣ въ воздухѣ, мы совершили уже очень благополучно. Такимъ образомъ, еще разъ Провидѣніе Божіе явило надо мною спасающую десницу.

Переночевавши въ Порѣчѣ, я на другой день отправился далѣе и къ вечеру приѣхалъ въ Переславль, гдѣ принялъ меня очень радушно Никитскій о. архим. Нифонтъ. Пробывши въ Переславлѣ дня два, я возвратился въ академію 10-го числа вечеромъ и на слѣдующій же день долженъ былъ поспѣшить въ Москву. Здѣсь мнѣ о. ректоромъ назначено было временное помѣщеніе въ его Заиконоспаскомъ монастырѣ. Болѣе двухъ недѣль пришлось мнѣ ожидать своего назначенія.

По приѣздѣ въ Москву, я немедленно явился на Троицкое подворье, къ преосвящ. митрополиту, но не былъ при-

нять имъ; явился и въ другой разъ, но также безуспѣшно. 1850
 Наконецъ мнѣ назначено было явиться на подворье 19-го числа послѣ обѣда. Являюсь. Владыка на первый разъ принялъ меня очень милостиво; посадилъ и нѣсколько минутъ разговаривалъ со мною, но о чемъ была рѣчь, не помню. Но такъ какъ въ это время еще не было изъ Св. Синода указа о моемъ опредѣленіи на должность, то владыка отпустилъ меня и велѣлъ ожидать указа. Но чтобы мнѣ не было скучно безъ дѣла, онъ чрезъ нѣсколько дней позвалъ меня къ себѣ и, давши мнѣ списокъ очень пространнаго письма на латинскомъ языкѣ, поручилъ перевести его на русскій языкъ.

Подлинное письмо писано было въ 1847 г. на имя оберъ-священника арміи и флотовъ, протопресвитера Василия Ивановича Кутневича извѣстнымъ діакономъ англиканской церкви Вильямомъ Пальмеромъ ¹⁾ изъ Шотландско-Британскаго города Perth-a. Въ письмѣ этомъ Пальмеръ сначала признается, что онъ, со вниманіемъ прочитавши подаренную ему ректоромъ Московской дух. академіи архим. Филаретомъ книгу Адама Зерникава объ исхожденіи Св. Духа, совершенно уклонился отъ мнѣнія и слововыраженія латинявъ и всѣмъ сердцемъ прилѣпился къ православному мнѣнію восточныхъ. Затѣмъ пространно излагаетъ и критически разбираетъ тѣ доводы, на основаніи коихъ онъ держался ученія латинявъ относительно исхожденія Св. Духа „и отъ Сына“. Въ заключеніе, поручая о. Кутневичу засвидѣтельствовать почтеніе преосвященнымъ: митрополиту Московскому Филарету, епископамъ Томскому Аѳанасію (бывшему ректору С.-Петербургской семинаріи) и Рижскому Филарету, а также священнику Исаакіевскаго собора Александру Стратилатову, просить разослать имъ списки съ этого письма.

У меня сохранился черновой переводъ этого замѣчательнаго письма.

23-го числа писалъ я къ роднымъ въ Иваново:

„Всѣмъ вамъ приношу мою усерднѣйшую благодарность

1) Пальмеръ род. въ 1811 г., ум. $\frac{24}{5}$ марта апрѣля 1879 г. См. газ. *Востокъ*, 1879 г. № 1, стр. 13 и сл. Переписка о Пальмерѣ Хомякова съ архіеи. Казанскимъ Григоріемъ—въ *Русск. Архивъ* 1881 г. кн. II, стр. 32 и сл.

1850 г. за ваше щедрое и радушное угощеніе. Только жалѣю, отъ души жалѣю, что краткимъ пребываніемъ у васъ не вполне удовлетворилъ вашему родственному чувству. Теперь оказалось, что я напрасно спѣшилъ отъ васъ; можно было бы пробыть у васъ и еще сутки другія—третьи. Впрочемъ, кто же зналъ, что такъ случится? А случилось со мною вотъ что. Пробывши въ Ростовѣ двое сутокъ и столько же въ Переславлѣ, 10-го числа вечеромъ я пріѣхалъ въ лавру. Едва лишь успѣлъ появиться въ академію, какъ слышу отъ о. инспектора приказаніе на другой же день отправляться въ Москву. Какъ ни неприятна была эта вѣсть, особенно потому, что послѣ продолжительнаго путешествія я ощущалъ крайнюю потребность въ отдохновеніи: но дѣлать нечего—надобно было повиноваться волѣ начальства. Отправляюсь на другой день утромъ въ Москву; вечеромъ я былъ уже тамъ. Являюсь къ о. ректору: но узнаю отъ него, что хотя представленіе обо мнѣ и сдѣлаво въ Св. Синодѣ, но разрѣшенія оттуда еще нѣтъ. Затѣмъ нужно было мнѣ явиться къ митрополиту, чтобъ узнать его волю въ разсужденіи того, гдѣ мнѣ ждать своего назначенія: здѣсь-ли (въ Москвѣ), или прикажетъ возвратиться въ лавру: но въ продолженіе цѣлой недѣли не было удобнаго времени, когда бы я могъ явиться къ нему. Только уже наконецъ 19-го числа имѣлъ я счастье представиться его высокопреосвященству. Владыка принялъ меня очень милостиво, удостоилъ даже сѣсть въ кресла. Послѣ вопросовъ: гдѣ я живу и спокойно-ли мнѣ жить?—приказалъ мнѣ оставаться въ Москвѣ, въ той надеждѣ, что скоро уже должно послѣдовать изъ Св. Синода разрѣшеніе на его представленіе въ разсужденіи меня. Итакъ, я теперь нахожусь только еще въ чаяніи будущихъ благъ. Скоро-ли исполнятся мои ожиданія, Богъ вѣсть. Но жить въ Москвѣ безъ дѣла, а особенно безъ денегъ, довольно скучно. Къ счастью, я еще пользуюсь, по милости о. ректора, готовою квартирою и трапезой: а потому, если и приходится тратить свои деньги, то большею частію только на разъѣзды. Впрочемъ, и на этотъ предметъ не мало потребно денегъ: по Москвѣ нашему брату-монаху, особенно въ настоящее время, безъ извозчика почти шагу сдѣлать нельзя. Но—Богъ милостивъ, авось-либо всѣ эти проторы и убытки со временемъ вознаградятся...

Въ чомъ же, спросите вы, провожу я теперь время?— 1850 г.
 Въ праздничные дни занимаюсь служеніемъ; затѣмъ, пока свободно, осматриваю достопамятности столицы; присутствую, въ качествѣ посторонняго зрителя, при церковныхъ церемоніяхъ. Такъ, 15-го, въ день Успенія Б Матери, и 22-го, въ день коронаціи, я видѣлъ то, чего еще никогда не видалъ. Въ эти два дни я имѣлъ удовольствіе видѣть и все знатнѣйшее духовенство Москвы, и весь генералитетъ столицы, во всемъ его блескѣ. Далѣе—изрѣдка посѣщаю своихъ знакомыхъ; все-же остальное время посвящаю, по обычаю, на чтеніе книгъ. Вотъ и все, что на первый разъ я могъ сообщить вамъ о себѣ изъ столицы.

Отъ всей души желаю вамъ семейнаго мира и всякаго благополучія“.

28-го ч. писалъ я въ Абакумово священнику М. Д. Граменицкому:

„Теперь уже безопасно могу открыть вамъ тайну относительно моего назначенія, хотя отчасти она вамъ можетъ быть уже извѣстна. По волѣ высокопр. митрополита, мнѣ предстоитъ должность Синодальнаго ризничаго. Можетъ представиться, какъ и дѣйствительно многимъ представлялось съ перваго взгляда, что эта должность не соотвѣтствуетъ моему академическому воспитанію. Но на повѣрку сказывается, что эта должность не только не унизительна для кончившаго лишь курсъ воспитанника академіи, но еще слишкомъ высока. Всѣ, кои имѣютъ о ней надлежащее понятіе, почитаютъ меня большимъ счастливецемъ. Были опыты, что на эту должность поступали изъ инспекторовъ семинаріи: такъ выгодна и почетна эта должность. О выгодахъ предстоящей мнѣ должности опредѣленныхъ свѣдѣній еще не имѣю, слышалъ только, что одного жалованья будетъ около трехъ тысячъ (ассигнац.). Что же касается до ея значительности: то извѣстно, что званіе Синодальнаго ризничаго выше игуменства и обыкновеннаго протоіерейства. Въ церковныхъ церемоніяхъ ризничій, какъ сказывали мнѣ, занимаетъ послѣ архимандритовъ и протопресвитера Успенскаго собора первое мѣсто. Обязанность синодальнаго ризничаго прежде всего состоитъ въ храненіи древней Патріаршей ризницы, въ которой заключаются безцѣнныя сокровища и множество священныхъ предметовъ,—

1850 г. и известной Синодальной библиотеки, состоящей из древних славянских и греческих рукописей. Далѣе, въ завѣдываніи ризничаго состоитъ церковь дванадцати Апостоловъ, гдѣ онъ настоятелемъ. Отъ него, наконецъ, зависитъ въ нравственно-учебномъ отношеніи хоръ синодальныхъ пѣвчихъ. Жительство имѣетъ въ самой синодальной палатѣ—подлѣ Успенскаго собора.

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль я живу въ Москвѣ: но до сихъ поръ нѣтъ еще утвержденія изъ Св. Синода на представленіе высокопр. митрополита въ разсужденіи меня. Впрочемъ, владыка увѣрилъ меня, что оно скоро должно быть. Безъ дѣла я началъ уже было скучать въ Москвѣ: но преосв. митрополитъ, спасибо, избавилъ меня отъ этой скуки,—далъ мнѣ перевести съ латинскаго письмо одного англійскаго богослова. Это дѣло займетъ меня по крайней мѣрѣ дней пять; а между тѣмъ придетъ изъ Синода разрѣшеніе: вотъ и прекрасно. .

Я писалъ къ вамъ, что во время вакаціи отпраплюсь путешествовать. И дѣйствительно, совершилъ порядочное путешествіе; объѣхалъ почти всю Владимірскую епархію; видѣлся со всѣми родными и знакомыми, исключая васъ. Былъ въ родномъ Муромѣ. Тамъ приняли и проводили меня такъ, какъ я не могъ и вообразить. Оттуда чрезъ вашу родину проѣхалъ въ Вязники къ Василю Павл. Богородскому. Онъ живетъ довольно свѣтло: но не хвалится большимъ избыткомъ. Затѣмъ, объѣхавши всѣхъ родныхъ своихъ, на обратномъ пути въ лавру, былъ я въ Ростовѣ у о. Поликарпа. Онъ принялъ меня по родному. Отсюда по пути былъ въ Переславлѣ. Видите, какой кругъ описалъ я въ теченіи пяти недѣль. Судя по радушію, съ какимъ вездѣ принимали меня, мнѣ слѣдовало бы проѣздить по крайней мѣрѣ два мѣсяца. Я такъ и думалъ было сдѣлать: но раннее назначеніе меня на должность разстроило мой планъ. А между тѣмъ оказалось, что я спѣшилъ напрасно. вмѣсто того, чтобы скучать отъ праздности въ Москвѣ, гораздо лучше было бы это время провести среди родныхъ и старинныхъ знакомыхъ. Впрочемъ, и здѣсь завелось у меня довольно уже знакомыхъ, коихъ изрѣдка я и посѣщаю...

Временное помѣщеніе я имѣю теперь въ Заиконоспас-

скомъ монастырѣ. Столомъ пользуюсь также монастырскимъ; 1850 и даже и освѣщеніе готовое; спасибо о. ректору!

Вотъ и все, что на первый разъ я могу сообщить вамъ изъ столицы. Прощайте. Увѣренъ, что вы не только по прежнему будете навѣщать меня своими письмами, но когда-нибудь посѣтите мою келью своею персональною.

Остаюсь съ искреннею любовію и преданностію къ вамъ“, и проч.

Наконецъ полученъ былъ указъ Св. Синода объ утвержденіи меня въ должности Синодальнаго ризничаго. Объ этомъ прежде всѣхъ извѣстилъ меня о. ректоръ Виѣанской семинаріи и вмѣстѣ пастоятель Московскаго Златоустова монастыря, архимандретъ Леонидъ, находившійся въ это время въ Москвѣ. 30-го ч., въ день тезоименитства Государя Наслѣдника, Александра Николаевича, онъ служилъ съ преосв. митрополитомъ въ Успенскомъ соборѣ и послѣ молебна былъ, вмѣстѣ съ другими, на закускѣ у владыки въ его Чудовскихъ покаяхъ. Здѣсь онъ слышалъ разговоръ прокурора Синодальной конторы съ владыкою о полученіи Синодальнаго указа и возвратившись въ свой монастырь, тотчасъ же написалъ мнѣ:

„Возлюбленнѣйшій отецъ Савва!

Только что узналъ я объ окончаніи вашего дѣла, какъ и спѣшу поздравить васъ. При мнѣ, въ Чудовѣ, прокуроръ докладывалъ его высокопреосвященству, что утвержденіе васъ въ новой должности получено, и владыка тутъ же поручилъ быть посредникомъ при присягѣ отцу протопресвитеру. Дай Богъ, чтобы вамъ полюбилась должность и вы ей полюбилась. До свиданія. А. Леонидъ“.

Съ этой краткой записки начались и, въ продолженіи 26-ти лѣтъ, непрерывно продолжались наши взаимныя письменныя сношенія съ о. Леонидомъ.

Изложу здѣсь въ короткихъ словахъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности.

О. Леонидъ, въ мѣрѣ Левъ Васильевичъ Красношѣвковъ, родился 16-го февраля 1817 г. въ Петербургѣ. Отецъ его Василій Васильевичъ Красношѣвковъ занималъ должность товарища герольдмейстера. Послѣ первоначальнаго образованія сначала въ англійскомъ, потомъ французскомъ пансіонѣ, Красношѣвковъ въ августѣ 1829 г. поступилъ въ

1850 г. Горный кадетский корпус (нынѣ Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ). Въ 1832 году онъ оставилъ Горный корпусъ и послѣ домашняго приготовленія поступилъ въ Балтійскій флотъ. Въ 1836 г. познакомился съ настоятелемъ Сергіевской пустыни близъ С.-Петербурга, архим. Пгнатіемъ Брянчаниновымъ и вскорѣ затѣмъ съ знаменитымъ Алтайскимъ миссіонеромъ архимандритомъ Макаріемъ: тѣ утвердили въ немъ расположеніе къ монашеской жизни, которое онъ питалъ съ юныхъ лѣтъ. Въ мартѣ 1837 г. Л. В. Краснофѣвковъ, флотскій уже офицеръ, представился на Троицкомъ Петербургскомъ подворьѣ Московскому митрополиту Филарету, присутствовавшему тогда въ Св. Синодѣ и просилъ у мудраго святителя совѣтовъ и наставленій относительно вступленія въ духовную академію, — о чемъ первоначальную мысль получилъ онъ отъ архим. Макарія. Съ благословенія владыки Филарета, Краснофѣвковъ поступилъ въ 1838 г. въ число студентовъ С.-Петербургской дух. академіи. Въ 1839 г., по смерти родителя, онъ рѣшился перейти, для продолженія ученія, въ Московскую дух. академію, гдѣ въ 1842 г. и окончилъ курсъ со степенью магистра. Въ томъ же году назначенъ былъ въ Виоанскую семинарію преподавателемъ гражданской исторіи. Въ сентябрѣ 1845 г. онъ принялъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ монашество съ именемъ: Леонидъ.

Вступивши въ сентябрѣ 1846 г. въ академію, я тогда же въ первый разъ встрѣтился съ о. Леонидомъ въ квартирѣ Виоанскаго наставника Я. П. Владыкина. Затѣмъ я долго не видѣлъ его. Въ апрѣлѣ 1848 г. іеромонахъ Леонидъ переведенъ былъ въ нашу академію на должность бакалавра по классу Патристики. Теперь я сталъ не рѣдко встрѣчаться съ нимъ по праздникамъ въ церкви, при богослуженіяхъ, а съ переходомъ на старшій курсъ сдѣлался слушателемъ его лекцій. Крѣмъ кельи, куда я, по своей обязанности, приходилъ къ нему наканунѣ каждаго праздника и воскреснаго дня для приглашенія къ участію въ богослуженіи, и церкви, я не рѣдко видѣлся съ о. Леонидомъ въ академической библіотекѣ, куда онъ по своей обязанности помощника библіотекаря ходилъ почти ежедневно, для выдачи книгъ студентамъ и куда я также не рѣдко приходилъ за полученіемъ пужныхъ для меня

книгъ. Въ концѣ 1849 г. о. Леонидъ опредѣленъ былъ 1850 г. ректоромъ въ Виѣанскую семинарію съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ назначеніемъ въ настоятеля Московскаго Златоустова монастыря. Пока я оставался еще въ академіи, я раза два или три посѣщалъ о. Леонида въ Виѣаніи, и онъ каждый разъ принималъ меня очень благо-склонно, а когда я, по окончаніи курса, пріѣхалъ въ Москву на должность Синодальнаго ризничаго, онъ встрѣтилъ меня какъ роднаго, — о чемъ ясно свидѣтельствуеъ вышеизложенная его ко мнѣ записка. Я душевно былъ радъ, что Господь послалъ мнѣ такого добраго и любезнаго знаконца, въ которомъ я потомъ нашелъ искренняго друга ¹⁾.

31-го августа мнѣ велѣно было къ 9-ти часамъ утра явиться на Троицкое подворье. Пріѣзжаю. Меня ввели въ залу. Владыка отправлялся въ Даниловъ монастырь на служеніе. Выходя изъ внутреннихъ покоевъ, онъ держалъ большой запечатанный пакетъ. Отдавая мнѣ его, онъ сказалъ: „иди теперь же въ Синодальную контору и пакетъ отдай прокурору, а онъ распорядится приведеніемъ тебя къ присягѣ на службу“. Являюсь въ контору и отдаю пакетъ прокурору Алексѣю Александровичу Лопухину. Тутъ же былъ и протопресвитеръ Успенскаго собора Василій Ивановичъ Заболотскій-Платоновъ, членъ Синодальной конторы. Онъ и привелъ меня въ присутствіи конторы къ присягѣ.

Съ 1-го сентября я вступилъ въ новую, необычайную для меня должность и приступилъ къ принятію по описи и каталогу отъ прежняго ризничаго, теперь уже Серпуховскаго архим. Евстаѣя, древнихъ ризничныхъ вещей и рукописей Синодальной бібліотеки. Сдача и пріемъ продолжались болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ я продолжалъ жить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и между дѣломъ занимался перепискою съ родными и друзьями.

Въ день моего вступленія въ должность ризничаго пи-

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о личности о. Леонида и о папихъ взаимныхъ съ нимъ отношеніяхъ изложены въ моей книгѣ: *Воспоминанія о высокопр. Леонидѣ, архіеп. Ярославскомъ и Ростовскомъ*. Харьковъ. 1877 г.

1850 г. салъ мнѣ изъ академіи товарищъ и другъ мой, юный іеромонахъ Игнатій (Рождественскій):

„За письма благодарю васъ усердно. Какъ я радъ, что Богъ приводитъ мнѣ жить съ вами въ одномъ городѣ, какъ прежде въ академіи жили мы вмѣстѣ въ одной комнатѣ! Пріятно намъ будетъ часто бывать другъ у друга, а мнѣ неопытному и полезно будетъ по временамъ пользоваться вашими опытными совѣтами. Дѣйствительно, меня назначаютъ на инспекторское мѣсто въ Московскую семинарію. Назначеніе сдѣлано еще 22 го числа, и 23-го мнѣ сказалъ о. ректоръ. 25-го ч. хотѣли было посылать на утвержденіе въ Св. Синодъ; но когда оказалось, что разсужденія, писанныя по предмету Никиты Петровича¹⁾, находятся въ Москвѣ вмѣстѣ и съ самимъ Никитою Петровичемъ: то отправили къ Никитѣ Петровичу письмо, чтобы онъ въ скорѣйшемъ времени пріѣзжалъ въ академію и вмѣстѣ съ сочиненіями. Онъ пріѣхалъ 27-го числа, но разсужденіе Василя Ѳеодоровича²⁾ не было прочитано; потому что авторъ былъ въ лаврѣ, а рецензентъ въ Москвѣ. Кромѣ того было послано отъ о. ректора ко владыкѣ письмо касательно здѣшнихъ бакалаврскихъ мѣстъ; Василя Ивановича³⁾ хотѣли назначить на математику, но ему очень не хотѣлось; потому что пришлось бы ѣхать въ Петербургскую академію. Духовно-учебное управленіе по всей вѣроятности переведеть на мѣсто Платона Ивановича⁴⁾ — изъ Петербургской академіи Бакалавра г Сергіевскаго⁵⁾, а назначеннаго въ здѣшней конференціи на математику препроводить въ Петербургъ. Для разрѣшенія сихъ недоразумѣній о. ректоръ рѣшился писать нарочно ко владыкѣ. Все это значительно задержало какъ отправленіе назначенія въ Петербургъ, такъ и обнародованіе его чрезъ правленіе. Это послужило причиною къ тому, что я до сихъ поръ еще не писалъ къ вамъ.

¹⁾ Гилярова — Платопова

²⁾ Взорова.

³⁾ Лебедева, скончавшійся въ 1863 г. въ санѣ Московскаго священника.

⁴⁾ Качустина, въ 1850 году выбывшаго изъ академіи на служеніе въ Епархіальномъ вѣдомствѣ.

⁵⁾ Николая Александровича, впоследствии протопресвитера Московскаго Успенскаго собора, скончавшагося въ 1892 году.

О. Θεодоръ ¹⁾ посылаетъ вамъ свое усердное почтеніе. 1850 г
Мы оба теперь чувствуемъ нужду въ васъ, потому что онъ путается въ ризахъ, а я путаюсь въ выборѣ облаченій, подходящихъ подъ его ростъ. Эти строки велѣтъ мнѣ написать о. Θεодоръ. На мнѣ теперь лежитъ ваша должность — но признаюсь, я еще не совѣмъ привыкъ къ ней. И не только о. Θεодоръ, но и вообще академія посылаетъ вамъ поклонъ.

Думалъ я, что по крайней мѣрѣ въ нынѣшнюю почту — 1-го сентября сдадутъ въ правленіе назначеніе и пошлютъ въ Св. Синодъ, но оно отложено до слѣдующей почты. Поэтому я еще нынѣ не могу удовлетворить вашему желанію; и объ назначеніи постараюсь извѣстить въ свое время. Сюда хотѣли вызвать на бакалаврское мѣсто г. Сперанскаго ²⁾; но ему не хочется уѣзжать изъ Москвы.

А я живу теперь пока одинъ въ ожиданіи о. Порфирія ³⁾. — Желая вамъ скорѣйшаго вступленія въ должность.

3-го сентября писалъ мнѣ изъ Владиміра товарищъ и совоспитанникъ мой по Владимірской бурсѣ, іеромонахъ архіерейскаго дома Иларіонъ (въ мѣрѣ Ив. Никан. Сиротинскій): „Возлюбленнѣйшій собратъ, высокопреподобный о. Савва! Есть и будетъ!

Вчерашній день (2-го сент.) по полученіи отъ почталіона письма, я, всматриваясь въ почеркъ, не распечатывая узла, что это отъ незабвеннаго моего Саввы. И въ самомъ дѣлѣ не обманулся. Распечатываю. Слѣжу строки бѣгомъ и чувствую что-то возмущающее.

Радъ, — очень радъ служить вамъ, но только не знаю, какъ мнѣ Господь поможетъ. Охотники, быть можетъ, найдутся, но съ моей стороны затруднительность есть та, чтобъ впоследствии, вмѣсто дружбы, не возникла среди насъ и вражда. Отчего такъ? Причина естественная.

Нынѣ, кого-либо я рекомендую съ хорошей стороны, чего разумѣется, онъ и стоитъ, а завтра, онъ же, но не тогъ же. Мало ли преткновеній? — преимущественно, какъ

¹⁾ Бухаревъ.

²⁾ Василя Михайловича, перваго магистра ХVI курса (1848 года), скончавшагося въ 1878 году въ санѣ Московскаго протоіерея.

³⁾ Попова.

1850 г. попадешь изъ грязи въ столицу, го—тогда вы и скажете: — „ну, отрекомендовалъ же.“

Между прочимъ, я для васъ готовъ стараться до послѣдней капли крови.

Да смѣю открыть свои мысли (вслѣдствіе перваго возмущающаго моего помысла: жизнь хорошая, доходы обширны). Вы, полагая на меня трудъ отыскать вамъ сослуживца, вы не предполагаете-ли, что и самъ я не вздумаю ли? Отъ чего не такъ. Очень успокоительно—быть при истинно любящемъ!

Но исповѣдаюсь, какъ отцу и другу, я, исполняя дружбу, неотъемлемо долженъ нарушить свою клятву предъ Богомъ. Гдѣ тогда будетъ обѣтъ монашества, когда я самъ себѣ ищу жизни лучшей? Твори волю Свою, Господи! Я долженъ жвть въ семь мѣстѣ до тѣхъ поръ, когда скажутъ: „ступай, ты здѣсь не нуженъ,“ и тогда долженъ повиноваться и идти, куда назначутъ. Вотъ чувства мои,—но не моя!

О васъ же молю Господа, Онъ единый нашъ Упокоитель да обновить силы ваши и да оградить сердце ваше отъ всѣхъ сокровищъ. Прошу, не отриньте и моей просьбы. Помолитесь и обо мнѣ темномъ и да не речетъ врагъ: укрѣпихся на него.

Признаюсь, мнѣ отъ души желательно имѣть съ вами перепись.“

О. Иларіонъ не бойкихъ дарованій и не высокаго образования (онъ окончилъ курсъ семинаріи во второмъ разрядѣ), но добрыхъ нравственныхъ качествъ и изъ него вышелъ, какъ увидимъ далѣе, примѣрный монахъ.

12-го чис. я командированъ былъ конторою Св. Синода въ Московскую складочную таможду, для нахождения при досмотрѣ привезенныхъ изъ Іерусалима для князя Хилкова перламутровыхъ и гипсовыхъ образовъ и для опредѣленія по правиламъ цензуры, могутъ ли сіи предметы быть пропущены безпрепятственно. Такъ какъ эти предметы привезены были изъ за границы для домашняго употребленія, а не продажи, то я, по наставленію митрополита, долженъ былъ посмотрѣть на нихъ не слишкомъ строго. Посему образа, на основаніи моего снисходительнаго отзыва, выданы были князю безъ замедленія.

15-го ч. вторично писалъ мнѣ изъ академіи о. Игнатій:

„Поздравляю васъ съ прекрасною должностію, и если 1850 г до сихъ поръ не поздравлялъ, то думаю, по братской любви, извините меня тѣмъ обстоятельствомъ, что я поджидалъ назначенія, чтобы исполнить вашу просьбу. Назначеніе только еще нынѣшній день посылаютъ въ Св. Синодъ. Да кстати—позвольте васъ поздравить и съ наступающимъ днемъ вашего ангела; можетъ быть и не удастся мнѣ написать къ вамъ къ 1-му числу октября—опять въ надеждѣ, что братская любовь будетъ снисходительна къ такой безцеремонности, и тѣмъ болѣе, что мѣсяца черезъ три, Богъ дастъ,—возможность частаго свиданія и частыхъ бесѣдъ вознаградить всѣ недостатки по нисъменной части.

Какъ я радъ, что къ такимъ искреннимъ поздравленіямъ могу я присоединить такую радостную вѣсть, что всѣ три инока, имѣющіе одного воспріемнаго отца, жившіе въ одной келліи,—всѣ остаются въ одной и той же епархіи. Отца Порфирія назначаютъ въ Виоанскую семинарію на словесность на мѣсто Кедрскаго, который переводится на этотъ же предметъ въ Московскую семинарію; и меня также на словесность назначаютъ. Чтобы о. Порфирій и Св. Синодомъ былъ назначенъ на это мѣсто,—о. ректоръ думаетъ писать особенное письмо къ Карасевскому ¹⁾. Да и въ самомъ назначеніи прибавлено, что онъ нуженъ въ послѣдствіи для занятія высшей должности,—для которой требуется лице монашествующее. Его готовятъ на мѣсто Виоанскаго инспектора; о. Наѳанаиль, вѣроятно, не долго будетъ на этомъ мѣстѣ.

Быстрицкій—помощникомъ ректора во Владимірѣ. Я. Беневоленскій—на Библейскую исторію въ Вологду (онъ и теперь еще здѣсь живетъ на кондичіи). Взорвъ—ректоромъ Харьковскихъ училищъ. Тамошній преосв. Филаретъ ²⁾ просилъ здѣшнюю академію дать на это мѣсто человѣка благонадежнаго. Сначала думали назначить о. Порфирія, потомъ Евдокимова ³⁾, но о. ректоръ воспротивился сильно

¹⁾ Александру Ивановичу, директору Духовно-учебнаго Управленія при Св. Синодѣ, скончавшемуся въ 1856 году въ званіи исправляющаго должность Оберъ-Прокурора Св. Синода.

²⁾ Гумилевскій, не задолго пречъ тѣмъ былъ переведенъ изъ Риги въ Харьковъ.

³⁾ Фералонта, въ монашесквѣ Феодотія, о которомъ см. выше, въ „Хроникѣ“ за 1847 годъ.

1850 г. предложенію касательно Евдокимова, опасаясь, чтобы его тамъ не постригли въ монашество. Во время вакаціи онъ здѣсь очень придерживался прежнихъ своихъ обычаевъ, такъ что его нѣсколько разъ просили уѣхать изъ академіи. Такимъ родомъ вмѣсто Евдокимова о. ректоръ предложилъ Взорова.

Въ академію бакалаврами назначаются: Смирновъ¹⁾—на Библейскую исторію; Лебедевъ²⁾—на логику; Сергіевскій³⁾ бакалавръ Петербургской академіи,—нашъ товарищъ по семинаріи, переводится сюда на мѣсто Платона Ивановича⁴⁾.

Смотрителемъ Ярославскихъ духовн. училищъ—Воздвиженскій,—а Барскій—прежній смотритель—переводится въ Ярославскую семинарію. Во Владимірѣ—на философію—Терновскій. Въ Калугу на гражданскую исторію—Холминскій. Въ Кострому на словесность—Виноградовъ, а на математику—Любославскій⁵⁾. Въ Вологду на словесность—А. Поповъ⁶⁾.

О. Порфірій пріѣхалъ 7-го числа, поздравляетъ васъ и посылаетъ вамъ поклонъ. Намъ о. ректоръ поручилъ заниматься греческимъ переводомъ одной съ большимъ трудомъ разбираемой рукописи о монашескихъ уставахъ Аѳонской горы. Рукопись привезена Муравьевымъ и въ академію прислана отъ владыки. О. Ѳеодоръ и прочіе вамъ кланяются.

Прошу вашихъ молитвъ о мнѣ грѣшномъ и преданномъ вамъ отъ всего сердца іеромонахѣ Игнатіѣ.

Р. С. О. ректоръ говорилъ какъ-то о вашей прекрасной должности со мною и въ письмѣ къ вамъ велѣлъ писать: высшему всѣхъ игуменовъ—Синодальному ризничему.

Слышали ли вы, что г. Вишняковъ вступаетъ въ бракъ съ дочерью Срѣтенскаго протоіеря отъ Спаса на Срѣтенкѣ?⁶⁾

16-го ч. вечеромъ получилъ я отъ Вишнянскаго ректора

1) Григорій Петровичъ, скончавшійся 16 февр. 1898 г. въ санѣ Московскаго протоіеря.

2) Вас. Пв., выше упомянутый.

3) П. А., также упомянутый выше.

4) Капустина.

5) Все это магистры XVII курса (вып. 1850 года).

6) Въ монашествѣ Павель, впоследствии епископъ Тотемскій, викаріи Вологодской епархіи, скончавшійся 4 ноября 1874 года.

о. архим. Леонида, прїѣхавшаго по монастырскимъ дѣламъ 1850 г. въ Москву, записку слѣдующаго содержания:

„Прїѣзжій изъ Виваніи честь имѣетъ извѣститъ высокопреподобнѣйшаго отца Синодальнаго ризничаго, что онъ (прїѣзжій) останется сегодня дома безвыходно, не говоря, разумѣется, о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.“

17-го ч. получилъ я письмо отъ Абакумовскаго друга о. Михаила Граменицкаго. Онъ писалъ отъ 9—16 числа:

„Прошедшаго августа 30-го дня, къ несказанному моему удовольствію, получилъ я отъ Липнинскаго крестьянина дражайшее письмо ваше. Искренно благодарю васъ за память вашу и расположеніе. Наконецъ и ваша участь устроилась. Радуюсь, что Господь приводитъ васъ первый шагъ служенія общественнаго послѣ трудовъ учебныхъ слѣлать на видномъ и славномъ мѣстѣ.

Дай Богъ начать вамъ свое служеніе благополучно и продолжать съ успѣхомъ во славу Божию и пользу общественную. Осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что при вашемъ руководствѣ, при случаѣ удастся мнѣ увидѣть такія вещи, которыхъ видѣть безъ случая, конечно, я бы не сподобился во всю жизнь. Пора вамъ, любезнѣйшій, послѣ тяжкихъ переворотовъ жизни, — послѣ трудовъ умственныхъ, — пора насладиться спокойствіемъ. Вотъ Провидѣніе Божіе, испытавши ваше терпѣніе, и приводитъ васъ наконецъ къ мирной пристани и отселѣ, при вашей честной жизни и внимательности къ возлагаемымъ обязанностямъ, конечно, поведетъ васъ отъ силы въ силу, отъ славы въ славу. Изволили писать, что осчастливили своимъ посѣщеніемъ въ вакаціальное время всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. На этотъ разъ я всѣхъ несчастіе. Вѣрно, погость нашъ слишкомъ вамъ наскучилъ? Вѣрно, что-нибудь имѣете въ вашихъ мысляхъ объ насъ непріятное?—Это дѣло ваше: но мы всѣ желали-бы васъ видѣть какъ ближайшаго роднаго, — насладиться вашею бесѣдою, — какъ умнѣйшаго и добродѣтельнаго человѣка. Теперь Богъ знаетъ, будетъ-ли вамъ время и случай удостоить насъ посѣщенія.... Думаю, что въ Муромѣ было очень чувствительно и для вашего сердца.... А какъ. чай, отрадно было посмотрѣть на васъ роднымъ вашимъ?! Конечно, при такихъ обстоятельствахъ много различныхъ чувствъ и мыслей можетъ взойти въ голову.

1850 г. Новый архинастырь наши предѣлы еще не посѣщаль; говорятъ, что достается отъ него нашему брату: по гдѣ гроза, тутъ и милость. Не пожалуетъ-ли къ намъ по осени? О, еслибы Господь сподобилъ принять и отправить его по хорошему“!

На письмо это отвѣчалъ я 26-го числа, и вотъ что, между прочимъ, писалъ своему другу:

„Въ должность введенъ я 4-го сентября: но до сихъ поръ не переселился еще въ свою квартиру, и не переселюсь, кажется, до тѣхъ поръ, пока предмѣстникъ не передастъ мнѣ всего, подлежащаго моему завѣдыванію; а эта сдача продолжится еще мѣсяцъ, если не болѣе. Такъ много возлагается на мои слабыя рамена! Въ ризницѣ, до которой теперь доходить у насъ очередь, заключается не на одинъ милліонъ рублей. Сердце замираетъ при взглядѣ на сокровища, которыя мнѣ нужно будетъ хранить. Здѣсь же хранится св. миро, которое идетъ отсюда чрезъ руки ризничаго во всѣ епархіи, исключая Кіевскую. Стоитъ взглянуть на серебряные котлы, въ коихъ варится, и на сосуды, въ коихъ хранится это св. миро.—Пріѣзжайте скорѣе въ Москву: съ любовію открою вамъ святыню и всѣ сокровища, поступающія теперь въ мое непосредственное завѣдываніе.—Напрасно вы просите меня не забывать, при высококомъ титулѣ, прежняго къ вамъ расположенія. И безъ вашей просьбы я останусь въ отношеніи къ вамъ такимъ-же, какимъ былъ и прежде. Перемена виѣшняго положенія не должна измѣнять нашихъ внутреннихъ взаимныхъ отношеній“.

Имѣя нужду въ іеромонахѣ для Синодальной 12-ти Апостоловъ церкви, гдѣ я, съ назначеніемъ на должность ризничаго, былъ настоятелемъ, я обращался еще въ августѣ мѣсяцѣ къ помянутому выше товарищу своему по семинаріи, іеромонаху Владимірскаго архіерейскаго дома Пларіону съ просьбою отрекомендовать мнѣ кого-нибудь изъ извѣстныхъ ему іеромонаховъ на означенное мѣсто. Сначала онъ затруднился исполненіемъ моего порученія,—о чемъ и общалъ мнѣ въ письмѣ отъ 3-го сентября, а теперь, 7-го октября, пишетъ:

„Отъ всей души и отъ всего сердца сообщаю вамъ, какъ истинному своему другу—сослуживецъ для васъ находится,

изъ числа нашихъ сослуживцевъ! Былъ нѣкто въ селѣ Лициѣ 1850 г о. Еѳимъ, а нынѣ Ефремъ, котораго, вѣроятно, и вы знаете. Онъ, по сдачѣ своего мѣста, 7-мъ лѣтъ былъ въ Введенской Островской пустынѣ, а нынѣшнимъ лѣтомъ угодно было нашему преосвященнѣйшему его вызвать въ свой домъ—къ намъ въ сослуживца.

Качества его я вполне не могу и описать. Человѣкъ и маститый старецъ съ достоинствами души!

Года-же его, хотя и не малые, но крѣпость силъ имѣеть. Дай Богъ такую легкость хоть и молодому, расторопень.

Преподобнѣйшій отецъ! Если угодно,—не опускайте сего почтеннаго старца. Онъ, къ достоинству его, изъ кончившихъ курсъ и лѣтъ 20 былъ благочиннымъ,—и при семъ, если вы рѣшаетесь на принятіе, о чемъ намъ и сообщите и научите, какъ нужно въ семъ дѣлѣ поступить“!

Когда я доложилъ объ этомъ преосв. митрополиту, владыка, узнавши, что рекомендуемый мнѣ іеромонахъ принадлежитъ къ числу братства архіерейскаго дома, не совѣтовалъ мнѣ принимать его, чтобы не огорчить преосвященнаго Владимірскаго.—Въ этомъ смыслѣ я и отвѣчалъ 25-го ноября о. Иларіону на его письмо.

10-го октября получено было мною письмо изъ Мурома отъ родныхъ Царевскихъ. Вотъ что они писали мнѣ отъ 7-го числа:

„Съ чего начнемъ писать вамъ? Изъявлять-ли сперва радость свою, что Богъ устроилъ судьбу вашу такъ хорошо? Благодарить ли васъ за то, что вы такъ скоро, такъ неожиданно, при первомъ своемъ письмѣ съ новаго своего мѣста оказали уже намъ благодѣяніе!

Благодаримъ, благодаримъ Господа за то, что Онъ поставилъ васъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ вы успѣли уже доказать свое доброе сердце новымъ благодѣяніемъ. Да ниспослетъ вамъ Господь силы къ прохожденію новой должности,—да продлитъ жизнь вашу,—и мы увидимъ, что Отецъ небесный не до конца прогнѣвался на насъ!

Примите хотя позднее поздравленіе съ днемъ вашего ангела. Опоздать письмомъ—наше дѣло; но будьте увѣрены, что въ самый день вашего тезоименитства, мы не пропустили молить Бога о ниспосланіи вамъ благъ,—и ангела вашего о сохраненіи васъ. Прощайте!“

1850 г. 17-го ч. получилъ я письмо отъ своего новаго друга, Гр. П. Быстрицкаго. Онъ писалъ съ своей родины, изъ погоста Быстрицы, Гороховскаго уѣзда:

„Любезнѣйшій и глубокоуважаемый другъ,
отецъ Савва!

Письмо ваше получилъ. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ. Мнѣ хотѣлось узнать о назначеніи академическомъ, а главное васъ самихъ, — порѣшилось-ли ваше тогда не рѣшенное дѣло. И вотъ наконецъ я узналъ. Привѣтствую васъ съ новымъ званіемъ, съ новою должностію. Радуюсь, что начало вашей новой жизни хорошо, и вы начали ее съ спокойнымъ, пріятнымъ, веселымъ расположеніемъ духа (это видѣлъ я изъ тона письма). Счастливое предзнаменованіе для будущаго! Моя участь доколѣ еще не рѣшена; а думаю, уже скоро рѣшится. Наконецъ, я свыкаюсь съ мыслию о моемъ служеніи во Владимірѣ. Мечта и планы, которые долго строились въ воображеніи, видно не увидятъ дѣйствительности. Теперь же это предчувствую. Но это предчувствіе уже переношу спокойно; пусть будетъ, что будетъ. Что будетъ, то дается отъ руки Провидѣнія. Долгъ мудраго и въ немногомъ находить многое, чтобы быть счастливымъ и благодарить Промыслъ.

Вотъ ужъ октябрь, я думаю,—уже менѣе мѣсяца до поступленія на должность. Пора-бы ужъ. Впрочемъ не думайте, что теперь я очень скучаю. Нѣтъ, я чувствую себя хорошо; ни одной тяжелой думы, ни одной заботы, никакой работы для ума, на душѣ покойно, а подъ часъ и вевело. Живу дома, почти никуда не выѣзжалъ, только недѣлю проѣздилъ на праздникъ въ Дунилово; недѣли полторы еще училъ дѣтей помѣщика Шаблыкина, которые теперь въ Москвѣ. Этз полторы недѣли показались мнѣ цѣлымъ мѣсяцомъ; дома жить гораздо лучше. Вотъ какъ я провожу время: встану поутру не очень рано, и не поздно, что-нибудь почитаю, потомъ иду прогуляться по горѣ, или въ поле, потомъ завтракъ, или лучше обѣдъ. Послѣ обѣда или дѣлаю что-нибудь въ домѣ, или такъ сижу, и курю сигару; да,—я нынѣ курю сигары;—новое пріобрѣтеніе! что-нибудь читаю, прогуливаюсь, мечтаю, впрочемъ, не думайте дурно о моихъ мечтахъ; въ моемъ селѣ, которое походитъ на пустыню, гдѣ только и видишься съ природой,

худыя мечты рѣдко идутъ въ голову. Надобно сказать, что все время проходить для меня даромъ, и вотъ почему я желаю скорѣе на должность. Отъ нечего дѣлать занимаюсь лингвистикой, особенно греческимъ языкомъ: перевелъ нѣсколько словъ изъ св. отцевъ, теперъ занимаюсь Одиссеей Гомера. Положилъ себѣ непремѣнно въ продолженіи двухъ лѣтъ изучить греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій и еврейскій языки до того, чтобы свободно изъясняться на нихъ. Такъ и думаю, что вы будете смѣяться, прочитавши эти строки, и скажете: эхъ, братъ, не мечтай! Но это не мечта. Я буду изучать ихъ по новой методѣ. Впрочемъ, я много сказалъ: свободно изъясняться; по крайней мѣрѣ не буду-ли въ состояніи писать на всѣхъ этихъ языкахъ, какъ пишу на рономъ. Знакомясь съ Гомеромъ на его діалектѣ, заглядываю по временамъ въ нѣмецкихъ поэтовъ, (потому что у меня есть большое собраніе мелкихъ нѣмецкихъ стихотвореній). Но все это болѣе механическія занятія; мысль остается почти безъ дѣйствія; душа не приходитъ въ живое, одушевленное движеніе. И чувствую вредъ отъ этого. За серьезное дѣло я, кажется, теперъ не въ состояніи приняться; мысль стала тяжела, неповоротлива, даже языкъ какъ-то вялъ, неспособенъ для живой рѣчи, какъ это и вы видите изъ письма. Сначала было я дѣятельно принялся за проповѣданіе; всего, кажется, произнесъ поученій пять; но потомъ это благое дѣло разстроилось отъ независящихъ отъ меня обстоятельствъ, впрочемъ, я и не рѣшился возобновить его, потому что оно не совсѣмъ здорово для моего желудка.

Знаете-ли что: не успѣлъ я пооглядѣться хорошенько, послѣ академич. трудовъ, и меня уже сватаютъ на мѣсто, предлагаютъ невѣсту. Священническое мѣсто, которое мнѣ рекомендуютъ, дѣйствительно выгодно, стоитъ многихъ Московскихъ мѣстъ; священникъ лично говорилъ со мною; какъ видно изъ разговора, ему сильно хочется имѣть меня своимъ зятемъ, онъ убѣждалъ меня, съ жаромъ изображалъ всѣ выгоды и все счастье, въ которомъ я заживу на его мѣстѣ. Этотъ священникъ—отецъ Яковъ Чернышевъ; это мѣсто—Вязниковскій соборъ. Но невыгоды, которыя должны рѣшить дѣло не въ пользу нарекающаго себя въ моего тестя, также значительны: 1) надобно жениться послѣ новаго года, таково

1850 г. условіе; 2) невѣстѣ, какъ самъ уже священникъ говоритъ, 20 лѣтъ; 3) она не красавица, хоть я ее и не видалъ. Прошу васъ, впрочемъ, молчать объ этомъ и никому не писать.

Отъ души преданный вамъ другъ Григорій Быстрицкій.

Мои родители свидѣтельствуютъ вамъ преглубокое почтеніе и отъ души желаютъ добраго здравія и счастья. Тягнѣнькѣ очень понравилось ваше письмо. „Смотри, говоритъ онъ. Григорій, и ты постарайся написать къ о. Саввѣ какъ можно лучше. Но я говорю: вѣдь о. Савва живетъ въ столицѣ, — въ Москвѣ, а я въ деревнѣ; изъ деревни по неволѣ будешь говорить по деревенски. Такъ и случилось.

Если буду служить во Владимірѣ, на святки полечу въ Москву, — въ кремль, — и къ вашей милости. Аминь“.

19 ч. писалъ мнѣ изъ Абакумова о. Михаилъ Граменицкій:

„Въ первыхъ числахъ настоящаго октября имѣлъ я счастье получить пріятнѣйшее письмо ваше. Отъ искренности сердца радуюсь счастливому началу вашего общественнаго служенія, подъ бдительнымъ руководствомъ мудраго архипастыря; — дай Богъ вамъ навсегда пользоваться расположеніемъ такого опытнаго пѣстуна. Можно надѣяться, что ваше усердное и вѣрное служеніе не ослабитъ его къ вамъ внимательности. Для вашего братства нуженъ іеромонахъ: есть у меня двоюродный дядя, служащій теперь въ домѣ нашего владыки казначеємъ, — онъ іеродіаконъ Макарій, жизни честной, вина и сикера не употребляетъ, — по вашему письму я и писалъ ему, не будетъ-ли его желанія быть Синодальнымъ іеромонахомъ: но вотъ уже почти три недѣли извѣстія отъ него никакого нѣтъ; вѣрно ему не хочется разстаться съ дочерьми, изъ коихъ одна за дѣвичимъ діаконѣмъ Ник. Мих. Доброхотовымъ, а другая вдова приказничиха; — съ дѣтьми. Мой дьячекъ просилъ меня представить для сего его брата Борковской пустыни іеродіакона ¹⁾, онъ вышелъ изъ філософскаго класса, — хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, жизни, какъ и я знаю, самой скромной и тихой, — онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ; — если угодно вамъ будетъ и если есть возможность ему быть вашимъ іеромонахомъ, то онъ поставитъ это для себя выше всякаго счастья.

Около Покрова ждали мы къ себѣ въ село преосвященнѣйшаго, который обѣщался быть въ городѣ Покровѣ и въ

¹⁾ Имя его Іоанникій.

Введенской пустыни; трое суток исправникъ дождался его на станции, а мой Силычъ три дня смотрѣлъ съ колокольни, — но все тщетно. Пресвященнѣйшій отложилъ свою поѣздку до мая мѣсяца.

Мои домашніе свидѣтельствуютъ вамъ усерднѣйшее почтеніе“.

19-го числа получилъ я письмо изъ академіи отъ товарища своего, юнаго инока о. Порфирія:

„Добрѣйшій и любезнѣйшій о. Савва!

Усерднѣйше благодарю васъ за угощеніе. О томъ, что вы доселѣ живете въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, о ректору я сказалъ, и онъ ничего не замѣтилъ на это. Самъ онъ общается въ монастырь позднѣе 24-го октября: „мнѣ нужно побывать тамъ“, сказалъ онъ мнѣ, „когда кончатся уже совсѣмъ работы, а праздники проведутъ и безъ меня“. Въ академіи новаго ничего, кромѣ того, что явился изъ С.-Петербурга новый бакалавръ ¹⁾ и первой лекціей весьма увлекъ младшихъ студентовъ.

Всеусердно желаю вамъ здравія и всѣхъ возможныхъ благъ, — и прошу васъ не забывать меня въ своихъ молитвахъ“.

23-го ч., въ день 59-й годовщины своей жизни, писалъ мнѣ изъ Муромъ уѣздный стряпчій А. А. Горицкій:

„Я получилъ почтенное писаніе ваше отъ 20-го сентября. Примите, почтеннѣйшій, глубокую благодарность мою за памятованіе о мнѣ. Не заслуживая вполнѣ такого вниманія, я приписываю это благороднымъ и добрымъ чувствованіямъ вашимъ и тѣмъ болѣе цѣню его и принимаю прямо за искреннее и родственное. Въ самомъ дѣлѣ, мы и по обстоятельствамъ и по отношеніямъ расходимся далеко; но за то старики наши живали близко между собою; я твердо помню это со дней моего младенчества, и вы прямо слѣдуете ихъ завѣту.

Отъ души радовался и радуюсь настоящему теченію вашему и буду молить Господа Бога: да совершаетъ онъ путь вашъ во благое и радованіе всѣхъ любящихъ и знающихъ васъ! Я помню, когда при прощаніи съ вами во храмѣ, коего вы были достойнымъ служителемъ, Григорій Дмитріевичъ Зворыкинъ, замѣтивъ слезы навернувшіяся на

¹⁾ Н. А. Сергіевскій, вышеупомянутый.

1850 г. глазахъ моихъ, спросивъ о причинѣ ихъ и получа удовлетворительный отвѣтъ, вотъ что сказалъ мнѣ: „не плакать, а радоваться мнѣ надлежитъ: онъ будетъ украшеніемъ высшего духовенства“. — примолвъ, что онъ мало видалъ подобныхъ въ духовной іерархіи“. Старикъ изрекъ это отъ прозрѣнія души своея; и я счелъ бы себя счастливымъ, еслибы Господь привелъ меня видѣть исполнившимся это искреннее желаніе мое.

Соболѣзвую, что сверхъ всякаго чаянія моего не удалось мнѣ насладиться бесѣдою вашею, но уповаю на неизреченное милосердіе Божіе, я еще не отчаиваюсь видѣть васъ, моего ближняго и искренняго по духу.

Прошу покорнѣйше не взыскивать на рѣдкомъ писаніи моемъ: безпрестанное письмоводство, отвлеченія, старость, а съ нею и недуги ставятъ меня въ крайность въ этомъ случаѣ быть невѣждою противъ многихъ моихъ знакомыхъ; но съ вами мы болѣе нежели знакомые; и я увѣренъ, что вы не будете равнымъ съ ними претендателемъ“.

Наконецъ, въ началѣ ноября я окончилъ пріемъ ризницы и бібліотеки и вступилъ во всѣ права своего новаго званія. — А эти права слѣдующія: 1) Синодальный ризничій принадлежитъ къ числу духовныхъ властей и въ церковныхъ процессіяхъ занимаетъ мѣсто выше всѣхъ Россійскихъ игуменовъ; 2) Онъ есть пастырь Синодальной 12-ти Апостоловъ церкви, при которой братство состоитъ изъ 2-хъ іеромонаховъ, іеродіакона и псаломщика, а клиросное пѣніе поочередно исправляютъ Синодальные пѣвчіе; 3) Главная обязанность ризничаго состоитъ въ храненіи древнихъ вещей ризницы и рукописей бібліотеки; 4) на Синодальномъ ризничемъ лежитъ обязанность приготовить св. миро, хранить и раздавать оное въ епархіи, по указнымъ предписаніямъ Синодальной конторы; 5) Синодальный ризничій, совмѣстно съ протопресвитеромъ Успенскаго собора, завѣдываетъ Синодальнымъ пѣвческимъ хоромъ¹⁾; 6) на Синодальномъ ризничемъ лежала также обязанность завѣдывать, съ помощію одного изъ Синодальныхъ иподіаконовъ, синодаль-

¹⁾ Впрочемъ эта обязанность, вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность, снята была съ насъ и, по Высочайшему повелѣнію, передана прокурору Синодальной канцеляріи.

ными пѣвческими домами, находящимися между Пикольскою и Ильинскою улицами и отдаваемыми въ арендное содержаніе. 1850 г

Къ числу обязанностей ризничаго относится и допущеніе любопытствующихъ къ обозрѣнію древностей, хранящихся въ ризницѣ, и ученыхъ къ изученію рукописей бібліотеки.

Но мнѣ, сверхъ сего, дѣлаемы были въ разное время разныя порученія какъ отъ ближайшаго начальства, такъ и отъ постороннихъ лицъ.

И прежде всего, возложилъ на меня порученіе, тотчасъ по вступленіи моемъ въ должность, преосвящ. митрополитъ, приказавъ мнѣ заняться описаніемъ болѣе замѣчательныхъ предметовъ Синодальной ризницы и бібліотеки. Не имѣя никакой предварительной подготовки къ археологическимъ и палеографическимъ занятіямъ, не безъ затрудненія могъ я приступить къ исполненію этого не маловажнаго порученія. Однакожь, съ помощію Божіею, я съ успѣхомъ исполнилъ оное, какъ увидимъ далѣе.

Помѣщеніе мое было въ старинномъ Патріаршемъ домѣ, сооруженномъ въ 1655 г. патріархомъ Никономъ. Я занималъ собственно три не большихъ комнаты въ верхнемъ этажѣ, гдѣ у святѣйшаго патріарха была молельная и кабинетъ. Но у меня передняя комната была раздѣлена перегородками на три части.

Я поселился въ своемъ новомъ, историческомъ жилищѣ 13-го ноября, наканунѣ праздника св. апостола Филиппа, имени коего посвященъ не большой придѣлъ въ одной изъ двухъ ризничныхъ палатъ. Совершивши этотъ первый праздникъ на моей новой службѣ, я водворился въ своей квартирѣ и приступилъ къ обычнымъ занятіямъ по своей должности.

Должность моя и для меня казалась довольно не обыкновенною, и для другихъ — странною и несоотвѣтствовавшею моею учебной подготовкѣ. Дѣйствительно, въ прежнее время, когда въ русскомъ обществѣ не была пробуждена любовь къ отечественнымъ древностямъ, Патріаршая ризница была мало кому извѣстна и мало для кого доступна, и потому должность Синодальнаго ризничаго была не очень видною. Тѣмъ болѣе, что до 30-хъ годовъ текущаго столѣтія занимали ее люди, не имѣвшіе высшаго духовнаго образованія, а иногда почти и не образованные. Поэтому преосвященный

1850 г. Пароней—мой рукоположитель и благодѣтель, бывшій нѣкогда членомъ Московской Синодальной конторы и близко знавшій тогдашнее значеніе должности Синодальнаго ризничаго,—когда узналъ о моемъ назначеніи на эту должность, говорятъ, прослезился.

Среди должностныхъ, оффиціальныхъ занятій, не прекращалась у меня и частная корреспонденція съ знакомыми и родными: Такъ —

21-го ноября писалъ я къ роднымъ въ Хотимль:

„Въ послѣдній разъ писалъ я къ вамъ тогда, когда участь моя не была еще окончательно опредѣлена; я былъ тогда только еще въ чаяніи будущихъ благъ. Теперь судьба моя уже устроилась, и, повидимому, очень счастливо. Что ожидаетъ меня впереди, одному Всевѣдущему извѣстно: но теперешнее мое положеніе пока такъ хорошо, что кажется и желать лучшаго на первый разъ нельзя. Все вокругъ меня пока мирно; всѣми почти лицами, съ коими я нахожусь въ соприкосновеніи по службѣ, доволенъ: а миръ и душевное спокойствіе—это было всегда первымъ моимъ желаніемъ. Матеріальныя средства для приличнаго содержанія себя на настоящемъ постѣ очень достаточны. Тысячи три, а можетъ быть, и больше я могу получить въ годъ: чего же лучше? Помѣщеніе имѣю очень достаточное для одинокаго человѣка: кромѣ отдѣльной кухни у меня пять комнатъ. Слава Богу, есть гдѣ принять и помѣстить добрыхъ родныхъ и знакомыхъ, если-бы они когда-нибудь ко мнѣ пожаловали. Одно только неудобство въ отношеніи къ пріѣзжимъ гостямъ: нѣтъ на дворѣ помѣщенія для экипажа.

Служба моя довольно многосложна, но при помощи Божіей и при пособіи добрыхъ людей, большихъ затрудненій по моей службѣ пока еще не вижу. Все идетъ хорошо и стройно. Должность моя тѣмъ особенно примѣчательна, что открываетъ мнѣ случаи входить въ сношенія съ лицами всѣхъ возможныхъ сословій. У меня бываютъ и знатныя вельможи и бѣдные ремесленники: купцы и мѣщане, ученые и простые.—Прекрасный случай изучать человѣчество во всѣхъ его постепенностяхъ“.

Въ тотъ же день (т. е. 21 ч.) писалъ я и къ Ивановскимъ роднымъ:

„Конечно, давно ожидаете вы отъ меня обстоятельнаго

увѣдомленія о моемъ положеніи. Давно чувствовалъ и я 1850
обязанность сообщить вамъ такое извѣстіе: но не знаю и
самъ, за чѣмъ я медлилъ и отлагалъ со дня на день исполненіе этой обязанности. Вотъ наконецъ рѣшился писать
къ вамъ.

Участь моя давно уже рѣшена. Съ 4-го сентября я состою въ должности Синодальнаго ризничаго. Прежде всего, разумѣется, мнѣ надлежало принять отъ моего предмѣстника вещи, подлежащія моему завѣдыванію. Этотъ пріемъ продолжался почти 2 мѣсяца. Въ продолженіе этого времени, можно сказать, я не былъ еще полнымъ хозяиномъ; даже не пользовался и принадлежащей мнѣ квартирой; и только уже съ 12-го числа сего мѣсяца я вступилъ во все права своей власти. Но тутъ предстояли мнѣ хлопоты; нужно было исправить и очистить квартиру, которую мой предмѣстникъ содержалъ довольно неопытно; надобно было, какъ обыкновенно водится, обзавестись хозяйствомъ. Наконецъ, слава Богу, все это мало по малу устроилъ и привелъ въ порядокъ. Теперь начинаю жить спокойно, и даже пріятно. Осталось одно-трудиться и молить Бога о добромъ здоровьѣ и душевномъ спокойствіи.

Что сказать вамъ о моей должности? Должность, какъ я писалъ вамъ, кажется, и прежде, довольно многосложна, и, потому хлопотлива: впрочемъ, при помощи Божіей и при пособіи добрыхъ людей, въ прохожденіи ея не встрѣчаю пока большихъ затрудненій. Но мое настоящее положеніе имѣетъ ту особенную выгоду, что доставляетъ мнѣ случаи входить въ сношенія съ людьми всѣхъ возможныхъ сословій. У меня бываютъ и знатные вельможи и бѣдные поселяне; ученые и простые, купцы и мѣщане. И это обширное знакомство не обходится для меня даромъ: отъ однихъ я пользуюсь умною и назидательною бесѣдой; отъ другихъ заимствую полезные уроки для жизни практической и проч.

Если найдете удобнымъ, прошу жаловать ко мнѣ на новоселье. Помѣщеніе у меня очень достаточное: есть, гдѣ принять гостей. Поваръ у меня очень исправный, а пива и меда въ Москвѣ много. Искренно говорю: очень радъ былъ-бы я, если бы хоть кто-нибудь изъ родныхъ посетилъ меня. Если-же въ скоромъ времени нельзя вамъ пред-

1850 г. принять путешествія въ столицу, по крайней мѣрѣ не забываютъ извѣщать меня о своемъ положеніи письменно“.

Р. С. При благопріятной оказіи прошу переслать мнѣ образъ святителя Николая. Какъ родительское благословеніе, онъ для меня очень дорогъ“.

18 го декабря писалъ мнѣ изъ Вязниковъ о. Василій Богородскій:

„Отъ души радуюсь твоему счастливому устроенію судьбы, и благодарю Бога такъ утѣшившаго тебя послѣ скорбей и несчастій. Видно изъ строкъ твоихъ, что ты доволенъ настоящей судьбой своей, а слѣдовательно и счастливъ вполне. Желать доколѣ нечего. Слава Богу!

Дорогой для сердца и жизни моей! я долго ждалъ твоихъ извѣстій; ни одной недѣли не проходило, чтобы я не посѣтилъ почтовой конторы въ нетерпѣніи. И дождался и стану ждать еще и еще пріятнѣйшаго. А о себѣ скажу лишь старое обыкновенное; живу безъ прибыли и убытка по старому, по прежнему. Да и чего ждать здѣсь на пустыхъ и дикихъ горахъ? Вѣкъ живи, ничего не наживешь, кромѣ дѣтей—это своимъ чередомъ. А потому, не находя въ собственной жизни никакихъ высокихъ и отрадныхъ событій, надобно жить, по крайней мѣрѣ, радостію ближайшихъ сердцу-друзей. Вѣрьте, что я много разъ перечитывалъ письмо, — и всегда въ часы скорби и тягостной суеты буду братьяся за него. Такъ всегда вы пишете мнѣ, собственно для моей отрады и утѣшеній. Не думайте, что я просто читаю; — утѣшаюсь вами! И на будущее время въ надеждѣ подобныхъ утѣшеній.

Желаю вамъ провести святки на новомъ житѣ въ самыхъ лучшихъ и чистѣйшихъ удовольствіяхъ.

Простите дорогой и единственный другъ души моей. Напишите, если будетъ не трудно: каковъ митрополитъ съ вами въ обращеніи, — каковъ вы по всей Москвѣ?—что новаго въ ней? Знаю, что подобнаго рода вопросы для васъ, уже, не кстати; но простите любопытству!“

27-го ч. писалъ мнѣ изъ Ставрополя на Кавказѣ наставникъ семинаріи іером. Моисей:

„Честь имѣю поздравить васъ со днемъ вашего ангела; отъ всего сердца желаю вамъ проводить годъ сей новый въ вашей жизни (я разумѣю окончаніе академич. курса) въ здравіи,

благополучіи и душевномъ спокойствіи, съ которымъ только 1851 г и можно быть истинно счастливымъ на земли.

Поздравляю васъ съ блистательнымъ окончаніемъ академическаго курса и съ занятіемъ блистательной въ Москвѣ должности и лучшей въ губерніи Россійской. Радъ и радъ, по прежнему радъ!...

Что касается до моей личности, то она находится теперь въ самомъ хорошемъ состояніи; должность люблю, почему занимаюсь дѣлами съ охотою; здоровье мнѣ служить, уваженіемъ пока отъ присныхъ пользуюсь и чего-же еще хотѣть человѣку, такъ мало учившемуся въ академіи и за такой трудъ получившему степень кандидата. Слава и благодареніе Господу! судьбой своей я очень доволенъ. За хорошее поведеніе и исправное прохожденіе должностей уже награжденъ набедренникомъ, чего-же еще хотѣть? Такъ-ли мой любезнѣйшій сожитель и другъ?

Скажите-же что-нибудь о себѣ, о Московской академіи, и о всемъ, о всемъ пишите къ любящему васъ по прежнему*.

Праздникъ Рождества Христова и первые дни новаго года проводилъ у меня товарищъ по академіи и добрый другъ мой, профессоръ Владимірской семинаріи Гр. Петр. Быстрицкій. Много у меня было съ нимъ разговоровъ о разныхъ ученыхъ и житейскихъ предметахъ, много пріятныхъ воспоминаній о жизни и трудахъ въ академіи.

Новый годъ принесъ мнѣ не мало новыхъ трудовъ и заботъ по случаю муроваренія, а также по случаю начатыхъ, по Высочайшему повелѣнію, перестроекъ и предѣлокъ въ Синодальномъ домѣ и въ Синодальной церкви, — о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Съ другой стороны, новая должность начала постепенно вводить меня въ новыя знакомства и въ новыя отношенія къ лицамъ разныхъ званій и состояній; такъ:

Съ 14-го февраля 1851-го года начались мои письменныя сношенія съ извѣстнымъ церковнымъ писателемъ и ревнителемъ православія, Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ ¹⁾. Вотъ что онъ писалъ мнѣ на первый разъ изъ Петербурга:

¹⁾ Скончался въ 1874 году.

1851 г. „Приношу благодарность за вашъ отзывъ, честнѣйшій отецъ ризничій, но не сѣтуйте, если остаюсь имъ не удовлетворенъ и наки прошу ваше высокопреподобіе потрудиться о томъ-же предметѣ. Я увѣренъ, что А. В. Горскій, который занимался сими вопросами, можетъ указать, гдѣ именно находится сія рукопись, потому что не можетъ быть, что-бы не сохранились дѣянія соборныя, на коихъ присутвовали восточные патріархи съ нашимъ, когда и началъ исправленія книжнаго бывшій соборъ Никоновъ уцѣлѣлъ въ дѣянїяхъ. Не знаетъ-ли о томъ вашъ предмѣстникъ, мнѣ-же справиться здѣсь нѣтъ никакихъ средствъ. Сдѣлайте милость, спросите его и Горскаго, постарайтесь отыскать и сію рукопись и меня благоволите увѣдомить о послѣдствїяхъ.

Съ чувствомъ уваженія остаюсь и проч.“...

21-го ч. писалъ мнѣ изъ Иванова племянникъ, единоувѣрческій діаконъ Ѡ. С. Виноградовъ и, между прочимъ, извѣщалъ, что къ Покровской церкви села Иванова, на мѣсто умершаго священника Григорія Розанова, опредѣленъ возвратившійся изъ Иркутска священникъ Василій Гавриловичъ Былинскій—О. Былинскій—мой товарищъ по семинаріи и землякъ, уроженецъ села Дунилова, онъ одинъ изъ числа 10-ти учениковъ Владимірской семинаріи, отправленныхъ въ 1841 г., по распоряженію высшаго начальства, въ Иркутскую епархію для занятія священническихъ вакансій.

2-го марта писалъ мнѣ изъ Вязниковъ о. Вас. Богородскій.

„Любезный другъ! доброта души вашей произвела во мнѣ смѣлое дерзновеніе просить васъ, какъ благопріятеля ближнему.

Вотъ моя просьба!... Родной мой братъ Иванъ волею Божіею, а можетъ быть и своею, недоучился въ семинаріи. Исключенный, поступилъ во Флорищеву пустынь, откуда о. архимандритомъ Іеронимомъ переведенъ и взятъ въ ого Спасскій, Муромскій монастырь, и около 8 лѣтъ проживаетъ въ послушническомъ званіи, и кажется вовсе наклонился къ одиночеству. Но у насъ и монашество не скоро дается исключенному изъ словесности, да и что здѣсь въ немъ?